

СВЕТ СТОЛИЦЫ

литературно-
художественный
журнал

04 / 2023

2023

УДК 882
ББК 84(2Рос)

Учредитель:
ООО «ИПО «У Никитских ворот»

Издатель:
АНО «Редакция альманаха «Академия поэзии»

*Журнал издаётся при информационной
поддержке «Литературной газеты»*

Главный редактор:
Максим Замшев

Шеф-редактор:
Анна Баранова

Корректор:
Анна Соломатина

Дизайн-макет:
Андрей Дирижаблев

Компьютерная вёрстка,
оформление обложки:
Алина Симонова

Адрес редакции:
121069, Москва, ул. Большая
Никитская, 50а/5, стр. 1, оф. 40.
Тел.: +7 (495) 690-67-19
info@acpoetry.ru

Тираж 1000 экз.

© Академия поэзии, 2023
© Издательство «У Никитских ворот», 2023
© Коллектив авторов, 2023

ISBN 978-5-00170-815-5

9 785001 708155 >

ТЕМА НОМЕРА:
200 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
РУССКОГО ДРАМАТУРГА И ПИСАТЕЛЯ
А.Н. ОСТРОВСКОГО (1823–1886)

1

ПОЭЗИЯ

МАРГАРИТА АЗАРОВА

Луна

Царица ночи, где твой звёздный плащ?
Укрой меня химерами иллюзий,
Дай лицезреть загадочный мираж,
Не пожалей щедрот заветной музе.
Озолоти нетленный небосвод
Кудрями, что подхвачены лучами.
Я жду, царица, твой ночной полёт
В плену с оплывшими огарками-свечами.
Я в колеснице окажусь твоей...
О, предвкушенье чудного мгновенья,
Когда далёкий, страстный апогей
Воздаст мне честь – зачатъя вдохновенья...

* * *

Блаженным быть – вот истинное счастье:
Ты чист душой, как малое дитя.
И пусть вокруг кипят, бушуют страсти;
Тщеславия бои – не про тебя.

Азарова Маргарита Александровна. Строфы ветра записывает. Приняли в Союз писателей, потому что себе их приписывает. Иногда их поют, иногда читают... Даже дипломы вручают. Жаль, ветру дипломы не передать... Но можно ему, как и прежде, внимать.

Доказывать не надобно иное,
Ведь правда всё равно всегда одна.
Душа блаженна, то же, что святая –
Она добру великому верна.

Памяти Насти Коноплёвой

(г. Горловка)

О тебе читаю в интернете –
Девочка тринадцати лет.
Мне ты улыбаешься с портрета,
Но тебя на свете больше нет.
Ты совсем недавно написала:
«Я хочу, чтоб кончилась война.
Улица моя не пострадала,
И сирень у дома расцвела...»
А твои подруги ходят в школу,
Несмотря на взрывы и стрельбу.
Наступает без тебя день новый.
Зло с Добром ведёт свою борьбу.
Память – проводник между мирами.
Ангелом земным ты в поднебесье
Со своими добрыми мечтами,
Ты в наших сердцах, стихах и песнях...

Письмо солдату

Ещё вчера ты не знал, что такое война;
Если знал, то лишь понаслышке.
Но в сраженьях добытая тишина
Была временной передышкой.
А теперь ты в окопе, как твой доблестный дед,
Обнимаешь землю руками;
Защищаешь Россию от горя и бед,
Высоко несёшь дедово знамя.
Да придут Вера, Надежда, Любовь
Оберегом воинской жизни.
Шлём, Солдат, тебе низкий, глубокий поклон
За защиту родной Отчизны.

ИННА ДЕМИНА

* * *

Когда весна внезапно по соседству
Приходит ненадолго погостить,
Она с собой твоё приводит детство,
И хочется любить и просто быть.

Бежать по лужам весело вприпрыжку
И птичьи песни слушать до утра.
И убеждать соседского мальчишку,
Что его двойка – просто ерунда.

Найти в лесу искрящийся подснежник
И, может быть, кому-то подарить.
Потом смотреть, как сквозь густой валежник
Ручей в овраг стремится послушно нить.

Демина Инна Алексеевна. Родилась и выросла в подмосковном городе Солнечногорске. В настоящее время живёт в Москве. Окончила Российский государственный социальный университет по специальности «психология».

На данный момент изданы сборники стихов «Мечте хотела б я сказать...», «Мой первый год с душой поэта». Принимала участие в конкурсном альманахе номинантов на премию «Поэт года – 2021», «Наследие – 2021», портал «Стихи.ру». Участник различных коллективных поэтических сборников.

Финалист международного конкурса “Open Eurasia – 2021”. Является участником литературного объединения имени Героя Советского Союза писателя В.В. Карпова при военно-художественной студии писателей ФГБУ «Центральный дом Российской армии имени М.В. Фрунзе» Минобороны России.

Забросить вдаль бежать простой кораблик,
А после взглядом долгим проводить.
Услышать где-то, как щебечет зяблик,
Заслушавшись, искать его ходить.

И на ходу дивиться первоцветам,
Пробившимся ковром среди листвы.
Мечтать и ждать, и грезить скорым летом,
И согреваться от такой мечты.

* * *

Как хорошо, когда ты можешь убежать,
Хотя б на миг, на час, на год прийти к кому-то.
К тому, с кем просто хорошо вдвоём дышать
И разделить, как хлеб, затихшую минуту.

С кем хорошо лежать, зарывшись в тёплый плед,
Остывший чай мешать и думать еле-еле.
Тогда вдруг кажется, что больше уже нет
Забот любимых, лишь только счастье бродит в теле.

С кем хорошо делиться счастьем просто так
И в ласке рук уснуть, о грустном забывая.
Быть может, скажет кто-то, что это пустяк,
Но только рядом его очень не хватает...

* * *

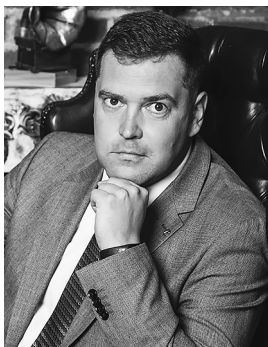
Проходит наваждение, и сон
Развеется с утра. Представить сложно,
Что был так сладок и так ярок он,
И кажется, что в нём остаться можно.

Когда реальность – храбрости удел
И только смелость чувствами играет,
Тогда всё будет так, как ты хотел,
Всё будет так, но кто об этом знает.

Страдают многие, от смелости уйдя,
Решиться жить так боязно и больно.
Но где-то было так, что у тебя
Была и я, и было нам довольно.

Довольно сладко, радостно, легко,
И мы могли без устали встречаться.
Дарить себя и пить жизнь, как вино,
И пьяными порока не бояться.

Но горький дым от долга твоего
Завесил всё туманом сожаленья,
Что будет так и будет нелегко
Без радости, без страсти, без прощенья...

АНДРЕЙ ИВАНОВ

* * *

Сожму в своей руке ладони
И благодарен небесам,
Когда чуть голову наклонишь
И припадёшь к моим устам.

Сладка, как спелая малина,
И мне покойно и тепло,
Пускай заснежена долина,
Блестят сосульки, как стекло.

Тебя любовью отогрею,
От всяких бед отгорожу.
Любовью, верностью твою
Ты знаешь, как я дорожу.

Иванов Андрей Владимирович родился в 1978 году в Туле в семье военнослужащего. В 2002 году с отличием окончил МАИ. С 2021 года член ЛИТО «Ладога» (Лобня) имени Ю.В. Петрова. Автор поэтических сборников «Шаги» (2021; издательство «Экон-Информ») и «Путь» (2022; издательство «Экон-Информ»). Публиковался в альманахах «Чайки над Лобней» и «Дебют». Член Союза писателей России.

Гляди-ка – на ресницах иней
Сверкает, нежен и пушист!
Твоих прекрасных чистых линий
Господь коснулся, портретист.

И я опять тобой люблюсь,
И вместе очень хорошо!
Не удержусь и расцелую,
Рукой откинув капюшон.

* * *

Миг счастья очень скоротечен,
Не ценим, что Господь даёт.
Относимся с прохладой к встречам,
Возможно, в этом наш просчёт.

Увижу и сожму в объятьях,
Прижмёшься, может быть, к груди,
А может – как могу узнать я?
Шепнёшь негромко: «Уходи!»

Я отпущу тихонько руку,
Коль между нами холодок...
Ну что ж, переживу разлуку,
Хоть горек жизненный урок.

* * *

Ночь накинёт плед на плечи,
От бессонницы укрыв,
И шепнёт: «Лишь время лечит»,
Боль на время заглушив.

Сон подарит в добром жесте,
Возвращая времена,
Где мы счастливы и вместе,
Там, где любишь ты меня.

Память помнит все детали,
Как смеялись на лугу
И о чём с тобой мечтали
У пруда на берегу.

Поцелуи и объятия,
В васильках зелёный склон,
Запах твой и шелест платья...
Жаль, что это только сон...

* * *

Москва провожает уставшее солнце,
Хорош был на редкость весенний денёк.
Лучом подсветило последним оконце,
Мне видится в печке седой уголёк.

И сразу повеяло чем-то родимым,
Нутром ощущаю какой-то подъём.
Ведь в детстве я не был настолько ранимым,
Чтоб в солнце мерещился старенький дом.

Влетаю стрелой в полутёмные сени
И в горнице вижу вкуснейший обед,
От запахов гнутся на шаге колени,
Половником ловко орудует дед.

Отрезал краюху свежайшего хлеба,
Посыпал ломоть сверху крупной сольцой,
Пусть сделал он это довольно нелепо,
Но я поперхнулся густою слюной.

Лучок с огорода да щи с пыла с жара,
И дед, улыбаясь, сигарку смолит,
Приятнейший гул кипятка самовара,
Он в теле объёмном негромко бурлит.

Всего лишь картинку увидел я в Сити,
Но память вернула молодые года.
Мою ностальгию вы мне извините,
Другую дорогу не знаю туда.

* * *

Море тихо шепчет пирсу:
«Видел в жизни что, старик?
Как отшельник монастырский
Иль бригадный отставник.

Сер, приземист и угрюмый,
Бьётся о тебя вода,
Постоянно в пене, шуме,
Прям какая-то беда.

Твой бетон крошу годами,
Хлещут волны и ветра,
Накрываешься валами,
Жизнь уныла и сера».

«Разве ж в этом только горе? –
Ей ответил старый пирс. –
Каждый день я вижу море!
И ласкает утром бриз.

Солнце раннее встречаю,
Горизонт уходит вдаль,
Вид земной подобен раю,
Небо – голубой хрусталь».

Пессимист найдёт плохое,
Оптимист же будет петь.
Это правило простое,
Как на этот мир смотреть.

ВИЛЕН ИВАНОВ

Век железный

*Последний, пятый век и род людской – железный.
Он продолжается и теперь на земле.*

Из поэмы древнегреческого
поэта Гесиода «Работа и дни»

Если согласиться с древним греком,
Век железный с нами до сих пор,
И у каждого и ныне человека
Есть на всех заточенный топор,
И его легко пускают в дело
(Если спорить мирно надоело)
В нужный для решения момент
Как вполне весомый аргумент
Нынешнего, как и прошлых, века.
Говорят, мы боремся со злом,
Но, увы, без явного успеха,
И не расстаёмся с топором,
В доброту не веря человека.

Иванов Вилен Николаевич – советник РАН, член-корр. РАН, д. ф. н., профессор, член Союза писателей России. Автор более 500 научных и литературных публикаций (книг, брошюр, статей, сборников стихов). Имеет государственные и общественные награды. Лауреат научных и литературных премий. Почётный член Российского общества социологов (РОС). Почётный доктор наук Института социологии РАН. Почётный член Военно-научного общества при Центральном доме Российской Армии им. М.В. Фрунзе. Полковник в отставке.

Вывод

Звучит мой вывод как завет,
В нём каждое весомо слово,
Его для всех я повторяю снова:
Где нет любви – там правды тоже нет.

* * *

Мой сверстник, надо нам успеть
Всё рассказать, что знаем мы, потомкам.

Фронтовые песни

Есть боль и правда в песнях этих,
Они, как с нашим прошлым нить,
Их невозможно не заметить,
Их невозможно разлюбить.

* * *

Бывает, право, стыдно нам
За нелюбовь власть предержащих,
Сегодня у руля стоящих,
К советским славным временам.

Вопросы

Есть о насущном тревожное знание,
Есть ли у юных желание знать?
Вы полагаете, это достойно внимания,
Нужно ли ныне об этом писать?

Мужчины и женщины

Они, как две отличных половины,
Несут по жизни свой нелёгкий крест:
Мужчина пробует взойти на Эверест,
А женщина – поработить мужчину.

Счастье

(по Эпикуру)

Счастье – это единенье с миром
И познание смысла бытия.

Иллюзия

Посвящается Е.К. Ивановой

Есть к истине любовь без меры,
Есть к заблуждениям вражда,
Но всё же, что лежит всегда
В самой основе всякой веры?
Задал себе вопрос поэт,
Себя сомненьем изнуряя,
И родился такой ответ:
Лежит иллюзия нагая.

Другу

В.И. Большакову

Лет немало с тобою мы прожили,
Испытали немало с тобой.
И сегодня идёт нестихающий бой
Между нашими слугами Божьими
И способным на всё Сатаной.

* * *

Стремясь проникнуть в тайны бытия,
Прагматик я, а не мечтатель,
И я хочу, чтоб будущий читатель
Увидел то, что ныне вижу я.

АЛЕКСЕЙ МОНАСТЫРЮК

Афина Паллада

1

Из божественной главы Зевса родилась Афина,
Подобно тому, как рождается мысль в голове человека.
Вечному Зевсу претило рождение соперника-сына.
Лишь смертные грезят от материнского млека
Вкусить бессмертие, но продолжение рода – рутина.
Рождённая без матери, стала матерью всего имярека,
При этом богиня осталась навеки невинна.
Так родилась мудрость, что в крови у каждого грека.

2

По-эллинически «мудрость» звучит как «софия»,
Не путать с разумностью и самозаконным умом,
Она – мать художеств, творчества аритмия,
Хозяйка городов и для каждого дом.

Монастырюк Алексей Юрьевич – автор исторических текстов на сайтах Президента России и Патриарха Московского, а также книг «От сокола до орла» (очерки по истории Руси) и «Загадки и отгадки Кремля» (путеводитель по Московскому Кремлю).

Личный сайт: <http://alexmon.ru>. Канал в Яндекс.Дзен – «Окольная речь».

В час Зевсова гнева она молитв синергия,
С людьми за людей пламенеет огнём.
В ней гармония сфер, Одиссея ностальгия,
Под эгидой её философ стал мудрецом.

3

Эта песня одна из тысяч песен, воспевших Палладу,
Далека от слепого поэм, узревшего лики и лица,
И далеко не последняя, ибо для Первого воина града
Всегда найдётся место для подвига, как говорится.
Целомудрие Девы хранит людей от разлада,
Царство от дробления на части и по частицам,
С мудростью богини создала античность Эллада,
Как неприступна Афина, так Афин нерушима граница.

4

Партитура звёздного неба звучит до рассвета,
То симфония играющих нот в круженье планет,
А птичий хор, приносящий аромат лесного куплета,
Как правило, днём, ночь на земле для тет-а-тет.
Дирижёр – Афина Паллада, и нет здесь секрета,
Зрители – мы, критики – любомудры и поэтов поэт...
Хаос смерти боится отблеска вечного света,
Против Мудрости Зевса у него шансов нет.

РОБЕРТ НИЖЕГОРОДЦЕВ

Коста Хетагуров

Надежда

Авторизованный перевод с осетинского

– Не хмурься напрасно, –
Прошу я отца. –
Такие уж разные
Наши сердца.

Отцова тропа ли –
Для сына закон?
Свою выбирали
Сыны испокон!

Пусть славен отец мой
И прав он вполне,
Но кажется тесной
Судьба его мне.

Лишь время покажет,
Чья лучше судьба...
Смеётся пока же
Спесивцев гурьба.

Нижегородцев Роберт Михайлович – член Союза писателей России
(Московская городская организация).

Ведь конь мой стреножен,
Ружьё на стене,
И саблю из ножен
Не выхватить мне.

Но грустью вчерашней,
Поверь, не тужу:
Я снова на пашню
Быков вывожу.

Вспашу как умею
Я лирой своей
И думы засею
Своих горьких дней...

И вырастут здесь
Не колосья с зерном,
А гордая песнь
На просторе родном.

Подхватит народ
Эту песню – так знай:
Пора настаёт
Собирать урожай.

Будь радостен труд
И полны закрома,
И дети растут,
Набираясь ума.

И скажут мне дети
Однажды: отец,
Есть место на свете
Для разных сердец!

2

проза

АЛЛА БАКШАНСКАЯ

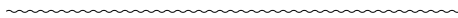
Штрихи

Фантасмагория

Темнело. Солнце заваливалось за макушки елей. Тянулись с востока на запад вечерние облака, закрывающие, заглатывающие, всасывающие солнечный свет и лучи его в свою мякоть. Они были набрякшие, разбухшие от переполнения светом, но всё же стремящиеся его поглотить целиком, полностью. Сумрак должен переродиться во тьму.

На плите подрагивали, постукивали крышки кастрюль: суп, каша, курица. Пар приподнимал крышки и нервно сбрасывал – брр-трр.

Всё шло по кругу: день – вечер, выходной – будни. Завтрак, обед, ужин. Питание диетическое. Курица вываренная. Суп без мяса. Каша без соли. Всё было не так. Круг превращался в овал. Может, в спираль? Что там предполагал Карл-сказочник – качественные изменения при движении по спирали? А в какую сторону? Или всё, что ни делается, только к лучшему? Да, без соли, но полезно. Да, без перца,

Бакшанская Алла Романовна. Родилась в Литве в середине XX века. Живёт в Беларуси. Родными считает города Паневежис, Ленинград, Североморск, Одессу и Минск. По образованию – экономист. Автор книг стихов «Вполголоса» и прозы «Давным-давно и ещё раньше». Публикуется в коллективных сборниках проектов «Созвездие» (Минск), «Библиотека современной поэзии» (Москва), на сайте «Стихи.ру». Участник альманаха международного фестиваля «Ганноверская весна».

но никого не обидишь? Очаг пылал, шёл пар, кипело – внутри. Одно «но» – дверь в счастье в каморке была за шпалерой с очагом. И огонь был нарисован, и его температурный режим не предполагал ни ожогов, ни бурления, да и самого счастья от наслаждения пищей не предусматривалось...

Пока готовится варево, можно взять книгу или карандаш – на что наткнусь раньше. В книге идёт речь о цветах, нет, не о живых, а о... красках. Ультрамарин... был очень дорогой оттенок, готовили из лазурита. Представляете? Лазурные небеса. Дело к вечеру. Наплывают облака. Насыщается, густеет лазурь. И её размалывают, размалывают, раз... два... три. Добавим жира (бараньего, не диетического), скатаем в шарики. И художник, талант свой приложив, превратит день в вечер. Холст неба преобразится в ультрамариновый океан. Плывут дымы из труб, от очагов, уносящие пар от кастрюлек к облакам, к высотам, над елями, почти паруса. Жаль – не алые. Солнце село. Лучи проглотил ультрамарин. Стемнело...

13.02.23

Март. Весна

В ночи зашуршал дождь. Возник минор – были совсем другие планы на день. Но когда проснулась в привычное время, из-за забора, из-за тонких прочерченных тушью ветвей сирени и шиповника выглядывал любопытный глаз солнца. В прорези облаков сиял зрачок. А на прутиках-ветках горели радужные огоньки. Сотни капелек были развешаны ожерельями, серёжками и прочими прикрасами по всем кустам и деревьям. Видимо, просто умылась и принарядилась весна под утро мартовского дня. Я вышла во двор в надежде «запечатлеть на века» всю эту ювелирку. И поняла: пора, пора открывать сезон. Достала кроссовки, куртку – и в дорогу. Четыре месяца, пока лежал снег, не бродила своими тропами. У калитки всё знакомо, а чуть глубже, за зелёными от мхов ветками каштана, под лучами солнышка дрожат ольховые серёжки – уже! А у сирени набрякли почки, налились малахитом! И птицы! Птицы концертируют вовсю! Даже гул шоссе не перекрывает здесь их песен. Весна! На просеках, убегающих вглубь леса, тонким слоем белеет снег, осевший и скукоженный. У меня во дворе остался лишь снежный островок, напоминающий

Африку. К вечеру континент явно растает. А здесь, над влажным полотнищем дороги, в низинах, на просеках по-над снежным покровом висят облака пара. Солнце хозяйничает после дождя – всё обмытое подсушивает, убирает снег, гладит тёплой ладошкой стволы и хвою.

На удивление в привычном темпе дошла до развилки. Знакомая рябинка ещё чёрная, со скрюченными ветками, сиротливо стоит, ожидая настоящего тепла. Поздоровалась и повернула обратно. Навстречу из-за деревьев вынырнуло, ослепляя, солнце. Последняя декада марта. Весна.

24.03.23

Апрель

День разговаривал чуть слышно: шелестела связка скорлупок грецкого ореха, висящая у скамьи, скрипел забор под порывами-наскоками ветра, щебетали в лесу птицы – ещё не хор, солисты, но звонко и задорно. Все устали от зимы, раз от разу возвращавшейся в марте. Вот и первый тёплый апрельский денёк. Утро его было сырое, туманное, с остатками снежных островков. Сейчас, в послеобеденное время, острова почти все уплыли, оставив мокрые места. В бассейне, не прикрытом на зиму, стоит вода, утром плавали льдинки и листочки лианы, растущей над водоёмом, сохранявшей листву почти всю зиму и сбросившей её уже в марте. Но сейчас айсберги истаяли, и на поверхности воды толкутся по кругу неутонувшие листья. По стене дома, скамейке перебегают ажурные тени стоящей рядом яблони. Она сама подобна японской гравюре – чёрные ветки на фоне ярко-голубого неба. А на ветвях почерневшие новогодние шары – прошлогодние яблоки, которые забрались ввысь кроны, не упали за зиму, а теперь чернеют среди сучков, прутиков, веточек.

Солнце. Сколько сразу тепла. Проснулись не только вездесущие мухи, но и бабочки. Жёлтая и белая протанцевали мимо в порывах ветра и унеслись – куда? В саду пятна крокусов, подснежников, ранних ирисов и зелёные пятна первой травы на фоне тёмной земли.

Ветер и солнце. Щебет и тепло. Свет и надежда. Апрель.

06.04.23

АЛИСА БЕСКРОВНАЯ

История седьмая. Осознание

Аллен Браун уже несколько часов просматривал дело о Френсис Мейси. Эту работу отдали ему, так как старший детектив Джонатан Рэндолл был завален другими делами. Работа была не такой уж и простой, как казалось вначале. Последним, кто видел Френсис, был её муж-пьяница, который утверждал, что его жена выбежала из дома, ничего не сказав. Логично было бы предположить, что именно он в пьяном угаре убил её, а тело спрятал. Однако тела, как и улики, не нашли. Всё было чисто, будто женщина растворилась в воздухе.

Это не было самым странным исчезновением. Недавно произошло нечто похожее: из больницы пропал пациент – четырнадцатилетняя Эшли Патерсон. В последний раз девушку видели вечером перед отбоем, а наутро, когда соседки по палате проснулись, её уже не было. Ночью никто из пациенток и персонала ничего не

Бескровная Алиса родилась в 21 лунный день в год земного тигра.

С ранних лет Алису привлекала мистика, присутствующая во всех её произведениях, всё чаще и чаще переходя в ужасы. Поэтому неудивительно, что непревзойдённым наставником автора стал Эдгар Аллан По, к которому Бескровная обращается за помощью в своих творческих начинаниях. Главный урок, который она усвоила: в книгах не должно быть счастливого конца, так как сама жизнь редко заканчивается хеппи-эндом.

слышал и не видел. Аллену хотелось бы заняться этим делом, но его отдали Рэндоллу, якобы он старше по званию и опытнее. Браун уже давно заметил, что дела, связанные с подростками, обычно отдают Рэндоллу. Ему казалось это странным, так как он не замечал, чтобы старший детектив сильно с ними ладил. Хотя кое-что всё-таки Брауну досталось.

С недавних пор второй основной работой Аллена было дело Ларкинсов. Оно перешло ему от Рэндолла. Дело Ларкинсов висело в полиции уже довольно долго. Шефу Брюстеру это очень не нравилось, и он намекал Рэндоллу, что пора уже наконец-то найти грабителя. Но ничего так и не сдвинулось. Поэтому шеф решил передать дело о краже Брауну, тонко намекнув, что если Аллен справится, то он обязательно поставит галочку в своём блокноте: «хороший работник». Ведь расследование действительно затянулось.

Все до сих пор подозревали сына Ларкинсов, Томаса. Однако никаких улик против него не нашли. По крайней мере, Рэндолл ничего не нашёл. Шеф чётко дал понять, что дело нужно закрыть на этой неделе, чтобы приступить к другой работе и немного успокоить жителей, которые в последнее время очень нервничали из-за ежедневных происшествий в городе.

Аллен понял: наконец-то настал шанс доказать начальнику, что он лучше, чем этот старый пьянчуга, который даже с кражей в доме не может разобраться. Хотя Браун тоже был неидеален. У него до сих пор мёртвым грузом висело старое незакрытое дело: Томми Гаррисон. Его также не нашли. Первым об исчезновении сообщил хозяин антикварного магазина, Томми работал у него продавцом. Семьи у бедного парня не было, ни в каких криминальных делах не замечен, все соседи и директор магазина характеризуют его как одиночку, замкнутого и тихого. Ни трупа, ни каких-либо идей, куда мог подеваться парень, нет. Всё точно так же, как в деле Френсис Мейси.

И всё-таки в приоритете были Ларкинсы, поэтому Браун в первую очередь решил навестить к ним домой. Близился вечер, и, скорее всего, все уже пришли. Аллен быстро собрался, попрощался с коллегами и направился к Ларкинсам. Когда он подошёл совсем близко к дому, то заметил сидящего на лавочке Томаса, который сонно смотрел в пространство.

– Привет, – обратился к парню детектив и присел рядом.

– Угу, – Аллен внимательно посмотрел на Томаса и заметил огромные мешки под глазами. Парень явно долго не спал. Совесть мучает или что-то ещё?

– Я детектив из полиции, Аллен Браун. Ты, возможно, помнишь меня.

– Вроде помню. А что вам надо? Я уже всё рассказал тому, старому. Рэндолл, кажется? И не один раз! Он нам уже надоел со своими тупыми вопросами.

– Теперь этим делом занимаюсь я.

– А что стало с тем?

– Ничего. У него просто много работы.

– Ясно.

– Давай начнём всё сначала, – у Аллена давно зародилась кое-какая идея, чтобы расколоть упрямого подростка. – Скажи, у тебя есть мысли о том, кто мог совершить кражу в вашем доме?

– Я уже всё сказал. Это боггарт!

– Да, эту версию я слышал и немного почитал про этих... боггартов. А ты сам его видел?

– Видел! Маленький уродец! До сих пор нас достаёт. А мама всё на меня валит!

– И где же он? Почему ты его не сфотографировал?

– Да потому что он быстрый и очень хорошо прячется. Выходит только ночью, когда темно. Просто так его не поймаешь, мы с ребятами уже пробовали.

– Хм, ну хорошо... А давай я помогу тебе его поймать, – Аллен дружелюбно улыбнулся, якобы веря в эти сказки. Возможно, удастся войти к парню в доверие и в этой игре выяснить правду.

– А ты мне веришь, что ли?

– Верю и хочу помочь.

Томас сразу же взбодрился и рассказал, что вычислил убежище боггарта. Он прятался в старых напольных часах на чердаке. Аллен решил подыграть пареньку. В какой-то книге по психологии он читал, что многие дети придумывают существ, чтобы свалить на них свои выходки. Браун, вспомнив уроки бабушки, рассказал Томасу о ловушке, с помощью которой обычно ловят зайцев в лесу. Много инструментов им не потребуется, единственная проблема – найти большую коробку или ящик. К счастью, на том же чердаке у семьи Ларкинсов хранилась куча хлама.

Пока они мастерили ловушку, Аллен добывал у Томаса информацию. И кое-что узнал. Всё-таки у ребят была некая «игра», а главарём в ней был Джеймс Фишер. Его-то знал весь участок, да и весь город. В глазах общества он был местным молодым бандитом. Фантазия у парня явно работала как надо, да и времени для её воплощения было предостаточно. У Брауна закралась мысль, что Джеймс на самом деле подстраивает грабежи через своих мальчуганов, которые его слушаются, а чтобы они ничего не рассказывали или чтобы успокоить их совесть, пугает ребят страшилками про всяких боггартов и прочих сказочных существ. Аллен не в первый раз видел, какое влияние Фишер оказывает на парней помладше. Они буквально в рот ему смотрят и готовы делать всё, что он скажет. Аллен решил, что через Томаса можно узнать много полезной информации о Фишере. Однако сначала нужно войти к нему в доверие.

Томас сказал, что боггарт выходит только по ночам. Оставаться вдвоём с ребёнком ночью на чердаке довольно подозрительное занятие для тридцатилетнего мужчины, но другого выхода не было. Мать Томаса работала в ночную смену, а его отчим уехал в другой город, поэтому мальчик был один дома. Так что им никто не мешал. «Охотники на монстров» поужинали и вернулись на чердак.

Томас и Аллен спрятались за массивные коробки с барахлом и стали выжидать. Они сидели в полной темноте, так как Томас запретил включать фонарик, ведь боггарты активны только во мраке. Охота на боггарта чем-то напомнила Аллену его детство. Он поймал себя на мысли, что ему даже понравилось строить ловушки с Томасом и играть в «охотников». Возможно, сестра была права, и Аллену давно пора задуматься о детях...

Мысли детектива перебил странный скрежет в старых часах, Томас дёрнул его за рукав. Хоть глаза Аллена и привыкли к темноте, было сложно рассмотреть, что происходит. Детектив заметил, как кто-то приблизился к ловушке и начал забирать приманку. Браун выскочил из укрытия и быстрым движением схватил нарушителя, на секунду задумавшись, что надо было всё-таки надеть перчатки, так как крыса явно была слишком большой и, возможно, заразной.

Мысль о крысе или дворовой кошке сразу рассеялась, когда детектив услышал грозное шипение. Оно не было похоже на шипение какого-либо зверя. Косматое существо в ответ схватило Аллена. Он увидел длинные жёлтые зубы, вонзающиеся в руку. Детектив стерпел

боль и потянул существо за жёсткую шерсть на себя. Вблизи Аллен рассмотрел звериную морду с огромными ушами и свинячим носом. От отвращения и ужаса он вскрикнул и ударил существо кулаком. Мерзкое создание издало громкий рык и убежало в темноту, в старые пыльные часы.

Браун тяжело дышал и дрожащими руками достал из внутреннего кармана фонарик. В свете фонаря он осмотрел часы, но так ничего и не нашёл.

«Куда он мог спрятаться?»

– Ты видел?! – услышал Аллен возбуждённый голос мальчика за спиной.

– Я... возможно, это какой-то дикий зверь, которого мы не знаем. Прибежал из леса...

– Нет, это боггарт!

Аллен глотнул. Он не мог до конца поверить в увиденное.

* * *

После произошедшего Браун пошёл в местную библиотеку. Он долго думал о том, кого мог увидеть. У детектива было несколько вариантов: либо это зверь, которого он просто не знает, возможно, из Красной книги, либо мутировавший зверь, либо, как бы странно это ни звучало, боггарт. Просмотрев всю Красную книгу, Аллен не нашёл ничего похожего на увиденное существо. Вариант с мутантом тоже отпадал, ведь поблизости не было никаких мест с радиацией, а также нигде в ближайших городах не наблюдались встречи с мутировавшими животными. Возможно, Аллен стал первым, кто встретился с мутантом. Но не всё так просто. Аллен это чувствовал. Осталось только проверить вариант с боггартом. Он наврал Томасу о том, что изучал этот вопрос. Детектив даже примерно не представлял, как должно выглядеть это существо. А так как никакой литературы по мифологии у него не было, он направился в библиотеку. Тем более в городской библиотеке работала его бывшая одноклассница – Агата Хейг. Браун помнил, что её дядя увлекался мифологией, возможно, она или он смогут ему помочь.

– Привет, Агата!

Девушка-брюнетка обернулась. В больших круглых очках Аллен увидел своё крохотное отражение. Он никогда не понимал, зачем

она носит очки такой формы. В них ведь совершенно не разглядеть её карих глаз! А глаза у неё были очень красивые, Браун помнил это ещё со школы.

– Привет, – тихо ответила она. – Ты редко заходишь. Что-то случилось?

– Тут такое дело... Скажи, у вас есть книги по мифологии?

– Хм... Я сейчас посмотрю.

Агата направилась к своему рабочему столу, чтобы посмотреть базу, а Аллен напряжённо ждал. Нечеловечески хотелось спать. После произошедшего в доме Ларкинсов Браун не смыкал глаз. Наутро мать Томаса обработала детективу рану и предложила диван в гостиной. Он успокоил её, что это всего лишь укус зверя, однако женщина волновалась, что у неё на чердаке живут огромные крысы. Дома, после просмотра Красной книги, он смог поспать всего час, пока не увидел перед собой омерзительную ухмылку лохматого существа, а затем услышал ужасающий рык. После такого кошмара заснуть ещё раз Аллен не смог и решил больше не закрывать глаза.

– Нет, прости, – нежный голос Агаты вернул его в реальность. – Недавно один парень забрал все книги по этой теме. Я могу сделать запрос в соседнюю...

– Не нужно. Спасибо. Я что-нибудь придумаю. Скажи, а как поживает твой дядя... Хью, кажется, да?

– Вроде бы у него всё хорошо. Но он давно ко мне не заходил и не звонил. А что?

– Ничего, просто. Ладно, я пойду.

Он уже повернулся, чтобы уйти, как вдруг услышал:

– Подожди! Я вспомнила, что видела какую-то книгу по мифологии в антикварном магазине.

– В антикварном магазине... Хм... Спасибо, Агата. Я посмотрю.

В ответ она мило улыбнулась, а он поймал себя на мысли, что ему давно нравятся ямочки на её щеках. Сказать об этом Аллен не решился, как и обо всём остальном.

До антикварного магазина Браун дошёл меньше чем за полчаса. Зайдя внутрь, он услышал над собой звон колокольчиков. На звук обернулась девушка с длинными чёрными волосами. Её большие голубые глаза как обычно равнодушно смотрели на детектива. Аллен давно понял, что по лицу девушки невозможно было прочесть ни одной эмоции. Оно всегда выражало только одно – холод. Но сейчас

он заметил небольшую странность в её внешнем виде. Либо дело было в фасоне платья, либо девушка немного пополнила, но её плечи явно стали шире. Да и сама поза выглядела неестественно.

– Здрав...

– Мистер детектив! Здравствуйте, – перебил девушку голос хозяина, который только что вышел из комнаты за стойкой. – Вы пришли по поводу Томми? Что-то узнали?

Прямо к Аллену шёл высокий подтянутый мужчина средних лет – хозяин магазина. Браун ещё при первой встрече заметил, что мистер Янг выглядит достаточно молодо для своего возраста. Живой блеск в глазах, в волосах нет ни единого седого волоска, всегда активный и отзывчивый. Аллен даже сказал бы, что слишком. Его отзывчивость граничила с навязчивостью. Особенно это выделялось на фоне его дочери Рин. Она всегда была сухой и будто безжизненной. Единственным, что выдавало их родство, были голубые глаза. Только если у отца они были живые, цвета яркого неба, то у дочери – будто стеклянные, как у куклы.

– Здравствуйте, мистер Янг. Нет, я сегодня по личным причинам.

– Ах вот как. Рин, пойдти приберись в кабинете, а мы тут поговорим с детективом.

– Хорошо.

Девушка неестественно медленно пошла в комнату за стойкой.

– Это было необязательно. Я...

– Простите, но Рин очень сильно переживает за Томми. Они ведь вместе работали, – у мистера Янга была привычка перебивать, и это не нравилось Аллену. – Любая мелочь, связанная с ним, её расстраивает. После вашего допроса она не спала всю ночь.

– Примите мои извинения. Не хотел расстраивать вашу дочь.

– Ну что вы. Это же ваша работа. Так чем могу быть полезен?

– Скажите, нет ли у вас книги по мифологии? Мне посоветовали обратиться к вам.

– Есть одна. Привёз её из Европы. Сейчас принесу.

Мистер Янг отошёл к книжной полке, а Аллен ещё раз осмотрел этот странный магазинчик. Он разделял мнение своего коллеги, Джонатана Рэндолла, о бесполезности подобных магазинов в маленьком городе. Кому понадобятся старые вещи? В Дэрроне у каждого второго куча ненужного хлама. Зачем же его ещё покупать?

Внимание Брауна привлекла стена, на которой висели различные ножи. В прошлый раз, когда он их заметил, мистер Янг уверял, что

у него есть лицензия и он их никому не продаёт, а выставляет для красоты. Однако одного ножа не хватало...

– Пожалуйста.

Аллен вздрогнул. Он не заметил, как мистер Янг подошёл к нему. В руках он держал большую книгу в твёрдом переплёте.

– Не знал, что вы увлекаетесь мифологией, мистер детектив.

– Есть немного...

Аллен взял массивную книгу из рук хозяина магазина и полистал. Книга больше походила на энциклопедию по мифическим существам, разделявшую их по рангам и месту обитания. Браун посмотрел на обложку, но не увидел автора. Потом заглянул в алфавитный указатель и нашёл нужную страницу.

«Боггарт – дух или домовой. В основном дружелюбно настроен к хозяевам дома, но иногда способен и на злые проделки».

Аллен также приметил, что любимая проделка боггарта – покрасться ночью в спальню, провести холодной мокрой лапой по лицу человека и сдернуть одеяло. Он вспомнил, как Томас рассказывал об этом.

– Не знаю, позволите ли вы... взять на время эту книгу? Верну в целости и сохранности, естественно.

Аллен не был уверен, что хозяин согласится на такую сделку. Однако лишних денег сейчас у него не было. Он уже успел представить, сколько эта книга могла стоить.

– Хорошо. Можете взять, если она вам так нужна. Всё-таки нужно помогать служителям закона, не так ли?

Аллен не совсем понял, к чему клонил мистер Янг, но обрадовался, что смог получить книгу бесплатно. Браун вышел из магазина и вздохнул с облегчением. Всё время, пока находился там, он чувствовал пронзительный взгляд хозяина. Это страшно раздражало.

Вернувшись домой, Браун внимательно изучил книгу. Времени было много – выходной. Его внимание остановилось на разделе о лесных мифических существах. Множество из них напомнило Аллену допрос с Крисом Дженкинсом, которого они нашли в лесу. Руки парня были испачканы в крови, глаза – безумны. Рэндолл уверял, что Крис употреблял наркотики, хотя после анализа в его крови ничего не нашли. Парня в итоге забрали в какой-то центр реабилитации.

Аллен долго рассматривал рану на руке.

«И всё-таки стоит съездить к нему...»

* * *

Центр реабилитации находился довольно далеко от Дэррона на большой открытой территории возле леса. По внешнему виду он напоминал Аллену санаторий для стариков, в котором жил его дедушка. Когда сотрудник центра проводил детектива к Крису, тот сидел за столом и смотрел на шахматную доску перед собой. Фигуры стояли на своих местах, и вряд ли у этой партии был хоть какой-то конец или начало. Дженкинс довольно сильно изменился с того момента, когда Аллен видел его в последний раз. Детектив за свою карьеру уже наблюдал подобное: человек после сильного потрясения становится либо неузнаваемым, либо мёртвой куклой.

– Привет. Не знаю, помнишь ты меня или нет. Я Аллен Браун, детектив. – Аллен присел рядом с Крисом, тот посмотрел на него пустыми глазами и кивнул. – Я бы хотел, чтобы ты ещё раз рассказал мне то, что с тобой произошло.

Перед поездкой Аллен узнал о состоянии Криса, поэтому не боялся задавать вопросы. Его лечащий врач удостоверил детектива, что состояние Дженкинса улучшилось, однако всё равно стоит быть осторожным. Аллену страшно было представить, каким парень был раньше, если сейчас это состояние называют «стало лучше».

– А зачем? Вы всё равно мне не верите.

– Послушай, Крис. – Аллен придвинулся к парню совсем близко и посмотрел прямо в его безжизненные глаза. – Я готов тебе поверить. Недавно я увидел то, что до сих пор не могу объяснить.

– Что вы видели?

– Какого-то монстра. Он укусил меня, когда я пытался вытащить его из убежища. Вот, – Аллен закатил рукав и показал Крису отметину от зубов на коже. – Расскажи мне всё с самого начала и поподробнее.

После этого Крис немного оживился и начал свой длинный рассказ гораздо спокойнее, чем в участке. Аллен слушал Криса, выключив рациональное мышление. Чтобы понять всю картину, нужно было отключить логику и представить, что миф вдруг стал реальностью.

– Как ты думаешь, почему вдруг мифические существа стали реальны? Почему именно сейчас, именно в Дэрроне?

– Не знаю. Но очень отчётливо запомнил, как тот великан сказал: «Ещё рано». Возможно, они чего-то ждут. Может, они всё это время спали, а теперь проснулись?

– Хм. Как вариант. Однако очень сложно понять то, о чём слышал только в сказках. Ладно, Крис, спасибо за разговор. Я попробую что-нибудь выяснить.

– Лучше всего спросите детей, – внезапно начал Крис, когда Браун уже собирался уйти.

– Детей? Зачем их втягивать?

– Дети понимают больше, чем мы. Они верят.

Выйдя из центра, Аллен понял своё следующее место назначения.

– Мне нужно знать, где обычно собирается банда Джеймса.

Джонатан обернулся на слова своего коллеги, его взгляд совсем не понравился Аллену.

– Зачем?

– Хочу с ними пообщаться. Если вы не забыли, то дело Ларкинсов передали мне.

– Да, спасибо, что напомнил. Только вот я у них уже всё спросил. Почитай отчёты.

Аллен закатил глаза.

«Почему этот мужик такой упрямый?»

– Я имею право опросить их ещё раз. Поэтому прошу вас предоставить мне нужную информацию. Иначе придётся обращаться с запросом через начальство.

Джонатан злобно посмотрел на Аллена и долго молчал. Брауну казалось это вечностью. Он даже успел посчитать количество кошачьих волос на пиджаке старшего детектива.

– В ангаре на поле, – наконец ответил Рэндолл.

– В каком конкретно ангаре?

– Их там немного. Поищи.

Браун понял, что разговаривать тут бесполезно.

– Неужели так сложно ответить нормально?

– А ты думаешь, что можешь разобраться с делом лучше, чем я? – Аллен хотел закончить разговор, но Рэндолл не собирался останавливаться. – Я прекрасно знаю эту «молодую амбициозность». Сам таким был. Но иногда стоит послушать старших по званию и на секунду задуматься, что опыта у них больше, чем у тебя.

– Тут всё намного серьёзнее, чем вы думаете, – ответил Аллен, хотя сам ещё не до конца верил в свои слова.

– Всё я прекрасно понимаю. Думаешь, ты один понял, что Джеймс этим всем промышляет? Что он запутал парням голову, чтобы совершать свои мелкие кражи? Давай, иди, попробуй с ним поговорить. Я тебя уверяю, что это не так просто, как кажется.

– Я вас понял. Спасибо за совет.

Аллен быстро вышел из участка и направился к полям. Как же ему надоел этот старый пьяница со своими премудрыми советами! Аллену уже давно не 20 лет, чтобы какие-то хрычи его поучали.

Браун недолго искал нужный ангар на заброшенных полях. Их и вправду оказалось немного. Открыв очередной ангар, детектив увидел мальчишек, сидящих на ящиках и о чём-то бурно спорящих. Среди них Аллен сразу же заметил Джеймса. Он всегда выделялся. Не внешне, была в нём какая-то внутренняя сила, Браун чувствовал это, поэтому готовился к предстоящему напряжённому разговору.

– Привет. Вы, наверное, меня помните. Аллен Браун, детектив. Мне нужно задать вам парочку вопросов.

Все притихли. В одном из мальчишек Аллен узнал Томаса и доброжелательно кивнул. На встречу к нему подошёл Джеймс, остальные держались позади.

– Привет. Томас рассказал нам о том, что вы чуть не поймали богарта.

– Да он ему так вмазал, что тот до сих пор не вылезает!

– Так ты теперь веришь нам?

Браун не ответил. Он задумался. До сих пор сложно было поверить в происходящее. Всё-таки ему могло всё показаться, ведь было темно, а Крис, возможно, просто сумасшедший, который верит в свои галлюцинации. А теорию о Джеймсе, который запугивает своих «прихвостней», нельзя сбрасывать со счетов. Аллен пристально посмотрел на главаря банды. Тот не отвёл взгляд, наоборот, смотрел в ответ твёрдым взглядом зелёных глаз.

– Может, расскажешь то, что знаешь? – решил задать ответный вопрос Браун.

Джеймс нахмурился. Детективу показалось, что парень о чём-то глубоко задумался, а потом ответил:

– Не знаю почему, но на город напали.

– Напали? Кто?

– Существа из мифов. Видимо, что-то их пробудило.

– Угу, интересно... И откуда появились такие мысли?

– Сам посуди, люди бесследно исчезают, многие видят такие вещи, что сходят с ума, кого-то убивают, а убийц и улики не находят. Ведь всё так?

Аллен не мог опровергнуть эти слова. Всё было именно так. В последнее время самоубийства и пропажи людей стали происходить почти что каждую неделю, что для маленького городка невыносимо. А ответов – всё меньше.

– И что же, наш город захватили боггарты?..

– Не только они. Много всяких. Например, келпи, хобгоблин, банши, баргесты, хобьи...

Почти всех их Аллен уже видел в книге о мифических существах. Однако одного из них там не было.

– Хобьи? Да вы сказки старого Джозефа¹ перечитали!

– Это правда! Они у Джеймса подружку украли!

Послышался громкий шлепок. Джеймс дал парню подзатыльник. Аллен невольно вспомнил свои школьные годы, когда среди его одноклассников существовало строгое табу: никаких разговоров о девочках.

– Они уже многих украли, забрали в шахту, – ответил Джеймс строго.

– У нас в городе нет никакой шахты.

– Есть, под больницей. И Эшли они похитили туда.

«Он, видимо, про Эшли Патерсон».

– То есть ты утверждаешь, что под нашей больницей находится шахта, из которой вылезают хобьи и крадут детей из больницы?

– Да, – Джеймс сказал это настолько уверенно, что Аллен готов был поверить в этот бред.

– Хорошо. А у вас есть доказательства?

– Мы нашли ещё один вход. Через него можно попасть в шахту.

– И вы туда заходили?

– Нет. Нам нужна собака.

– Собака?

– Да, хобьи боятся собак. Но ни у кого из нас нет дома пса, поэтому мы пока что думаем, где его можно достать. Бродячих собак в Дэрроне нет.

¹ Имеется в виду сборник сказок английского литературного критика и фольклориста Джозефа Джекобса, опубликованный в 1890 году.

Аллен до конца не мог поверить, что готов помочь этим ребятам. Однако информация о заброшенной шахте показалась ему интересной. Он в первый раз слышал об этом.

– Хорошо. Я добуду вам собаку, и вы покажете мне этот тайный проход в шахту, о котором никто не знает. Но если там ничего и никого не окажется, я хочу услышать реальную историю. Кто, зачем и где. Ты меня понял, Джеймс?

Парень долго смотрел на детектива и утвердительно кивнул.

* * *

Аллен позаимствовал у друга старую овчарку и вместе с Джеймсом, Джо, Бруком и Томасом направился к предполагаемому входу в шахту. Самому младшему, Уэсли, сказали ждать в ангаре и, если никто не вернётся, сообщить в полицейский участок. Тем более Аллен чувствовал ответственность перед мальчиком, ведь это был сын Агаты.

Из ангара они направились в сторону леса. По этому пути Браун никогда не ходил. Да он и не был любителем гулять по лесу. Только если нужна была помощь в поиске любителей собирать грибы. Джеймс успокоил детектива, что глубоко в лес заходить не придётся.

Через некоторое время они подошли к месту. Мальчики стали активно убирать листву, под которой спрятали дверь. Если специально не искать проход, то навряд ли обратишь на него внимание. Сама деревянная дверь давно обросла мхом. Ребята вчетвером открыли её, и Аллен смог заглянуть в яму. Посветив фонариком, он увидел лестницу, ведущую вниз. Спуск был небольшой, но Браун испугался за собаку. Как они спустят её?

– Так. Собака остаётся здесь вместе с вами. А я посмотрю, что там внизу.

– Они тебя убьют! Тебе нужна собака!

– Томас прав, – поддержал Томаса Джеймс. – И мы тоже идём с тобой.

– И что вы там будете делать? Проход маленький, только толпиться будете. Хорошо, давайте так: я спущусь, а вы аккуратно дадите мне в руки собаку. Не такая уж и глубокая яма...

– Мы идём с тобой.

Браун направил фонарь в сторону Джеймса. Тот был настроен решительно.

– Хорошо, парень. Скажи, тебе или им туда нужно? – Аллен внимательно посмотрел на всех присутствующих. Ответ был очевиден. – Ладно, тогда идём я, ты и собака. А остальные остаются здесь, будут караулить, – все молча согласились, и детектив передал поводок Джеймсу. – Только прошу, осторожнее.

Аллен аккуратно спустился. Запахло сырой землёй, воздух был влажный. Браун поблагодарил родителей за высокий рост и протянул руки, чтобы аккуратно спустить собаку. Когда все трое спустились, Аллен направил свет фонаря в глубины туннеля, и они пошли в тёмную неизвестность.

С самого начала затея с собакой и Джеймсом казалась детективу плохой, очень плохой. И теперь с каждым шагом волнение усиливалось всё больше. Но этого упрямого парнишку не переубедить. А теперь они одни, под землёй, неизвестно где. Могло произойти всё что угодно, а Браун даже не додумался никому сказать, куда направляется. Это был глупый поступок, особенно для полицейского. Он и сам не понимал, почему этого не сделал. Видимо, не хотел показаться глупым в чужих глазах, если нужно будет рассказывать эту историю с самого начала.

Шли они долго, казалось, туннель бесконечен. Повезло, что не было никаких развилок, однако Аллен ещё раз пожалел, что даже не взял бутылку воды. Напряжение возросло, когда детектив почувствовал, что земля стала теплее, затем почувствовался жар, будто где-то горел большой костёр. А главное – вдалеке начали раздаваться стуки. От звука, будто кто-то бьёт по камню, сердце Аллена забилось сильнее.

Вдалеке показался неприятный жёлтый свет. Аллен выключил фонарик, и дальше они пошли уже при свете ламп. Детектив до сих пор не мог поверить, что здесь кто-то работает, но с каждым шагом удары о камень становились громче. Как будто кто-то и вправду бил киркой.

Вдруг собака зарычала. Аллен насторожился и показал жестом Джеймсу остановиться. Но парень, наоборот, ринулся вперёд.

– Джеймс, стоять!

Браун вместе с псом побежал за парнем, но, догнав его, Аллен обомлел. Он выбежал на огромное пространство, а вокруг стояли

дети разного пола и возраста. У кого-то была ужасно потрёпана одежда, у кого-то – совсем новая. На некоторых детях детектив заметил раны и засохшую кровь. Никто не обратил внимания на двух незнакомцев с собакой, дети продолжали обречённо бить по каменным стенам кирками. В огромной пещере Аллен заметил ещё несколько туннелей, ведущих в неизвестном направлении.

«Насколько же огромна эта шахта?..»

– Эшли!

Аллен обернулся на голос Джеймса. Тот подбежал к девушке с повязкой на голове. Это и вправду была Эшли Патерсон, Браун узнал её по фотографии из дела. Детектив подбежал к двум подросткам.

– Эшли, мы пришли за тобой. Пошли отсюда!

Джеймс тряс девушку и кричал ей прямо в ухо, но она, казалось, была под гипнозом и ничего не слышала. Тогда парень грубо выхватил из её рук кирку и бросил на землю. Девушка на секунду остановилась, потом, как зомби, подошла к кирке и взяла обратно в руки. Когда она поднимала свой инструмент, Аллен заметил, что её глаза были пусты и безжизненны.

– Эшли, что ты делаешь?! Мы пришли тебя спасти. Слышишь?! Эшли! Эш!

– Эй, Джеймс, она тебя не слышит, – твёрдо сказал Аллен и сжал плечо парня, чтобы тот прекратил толкать несчастную девушку. – Брось это занятие. Нам нужно вернуться и сообщить обо всём в участок. Мы придём сюда и заберём всех. Даже если придётся действовать против их воли...

– Я без Эшли не уйду! И куда ты пойдёшь? В участок? Да тебе там никто не поверит!

– Я найду способ доказать.

Когда собака залаяла, Аллен вздрогнул всем телом. Обернувшись, он увидел нечто непохожее ни на зверя, ни на человека. Оно было огромное, метра два в высоту, в мешковатом чёрном балахоне, из которого торчала кругообразная лысая голова. У Аллена тело покрылось мурашками от одного вида этого неведомого существа. Ему было очень страшно. Как никогда в жизни.

Пёс залаял ещё сильнее, и, казалось, чудовище боялось подойти ближе, поэтому держалось на расстоянии. Его большие и выпуклые глаза с чёрными зрачками хищно смотрели в сторону непрошенных

гостей. Он явно выжидал. В этот момент Аллен пожалел, что не взял пистолет.

– Так. Хватай свою подружку, и бежим отсюда, пока этот монстр нас не убил.

Джеймс схватил Эшли на руки, и они направились в сторону туннеля, из которого пришли. Но девушка заорала так громко, будто её резали ножом, и начала вырываться из рук Джеймса. Аллену пришлось прикрыть ухо, а собака лаяла ещё агрессивнее и вырывалась из поводка.

– Смотри! – услышал детектив сквозь вопль и лай голос Джеймса. Он показывал на один из проходов.

В отдалённом туннеле показалось ещё одно существо в чёрном балахоне, точно такое же, как стоящее рядом. А потом ещё и ещё. Почти что во всех туннелях виднелись эти мерзкие существа. Все они ждали.

Эшли яростно выбилась из рук Джеймса, опять подняла выроченную кирку с земли и бегом направилась на своё прежнее место. Джеймс хотел побежать за ней, но Аллен схватил его руку.

– Оставь! Ты ей сейчас не поможешь. Видишь же, она загнипнотирована этими уродцами.

– Я же сказал, что её не оставлю!

– Ну ты и упрямый! Тебе что, жить надоело?

– Без неё я не уйду!

– А я тебя тут одного не оставлю!

– Нет, оставишь! – от такого заявления Аллен опешил. Джеймс, похоже, не шутил. Казалось, он совсем не боялся остаться наедине с монстрами в заброшенной шахте. – Оставь мне собаку, а сам беги обратно в свой участок.

– Нет!

– Хочешь, чтобы они меня тоже заполучили? Отдай мне собаку!

– Не в собаке дело! Я тебя тут не оставлю!

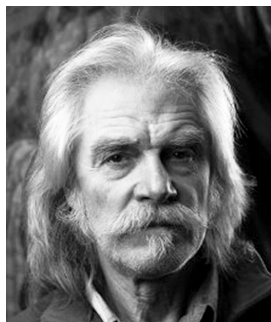
Джеймс начал вырывать поводок у Аллена, собака всё это время не переставала отчаянно лаять.

– Не волнуйся за меня. Чем быстрее ты выйдешь и приведёшь подмогу, тем лучше, – уже спокойнее сказал Джеймс. Аллен с неохотой отдал поводок. Он всегда считал себя слишком чувствительным для работы в полиции и сейчас готов был заплакать. Оставить парня одного, когда вокруг столпилась куча монстров, просто невыносимо.

Несмотря на это, Джеймс толкнул его и посмотрел прямо в глаза. – Только обещай, что вернёшься. И с подмогой!

– Обещаю.

Джеймс твёрдо держал собаку за поводок. Было видно, что собака устала лаять и чуть затихла. Аллен ещё некоторое время смотрел на Джеймса, потом оглядел это проклятое место с несчастными детьми и огромными чёрными существами, которые продолжали стоять на месте и ждали, когда собака уйдёт. Джеймс кивнул Аллену, и тот направился обратно к выходу. Пока он бежал к заветной двери, ему казалось, что земля под ногами дрожит, как будто его догоняют огромные мешковатые существа на своих толстых ногах.

СЕРГЕЙ БУСАХИН

Похороны ужа

Пионерка вытащила из рюкзака чёрный складной зонт – весьма потёртый и со словами: «Вот ещё! Я Гаркушке в глаз дам, а его зонт таскать не стану!» – зашвырнула его в кусты. Затем сердито сграбастала котёнка, непрерывно мяукавшего и назойливо вертевшегося у неё под ногами, и сломя голову побежала по Монастырской дороге.

Я поинтересовался у проходящего мимо меня туриста:

– Скажи-ка, проходящий турист, пионерка тут без родителей бегаёт да зонтиками швыряется, случайно не с вами сегодня на теплоходе приехала?

Проходящий турист почему-то сразу же оскорбился и, героически глядя вперёд, соорюив недовольную гримасу, произнёс металлическим голосом:

– Вы меня, местный абориген, в пионеры не принимали, поэтому разговаривать с вами не желаю. Дайте мне спокойно пройти мимо.

Бусахин Сергей Васильевич родился и живёт в Москве. После службы в армии работал в научно-исследовательском институте (ВНИРО), где регулярно участвовал в многомесячных экспедициях по Мировому океану. С 1984 по 1989 годы учился в ЗНУИ на отделении станковой живописи и графики. С 1990 года состоит в Творческом союзе художников России и Международной федерации художников. С 1985 по 2007 годы каждое лето ездил на остров Валаам, где писал этюды и картины, а также работал экскурсоводом. В настоящее время занимается живописью.

Я и без вашей пионерки знаю, куда мне надо двигаться, – после чего перевёл свой взор в небеса и, театрально заломив руки, с патетикой в голосе, словно артист на сцене, выкрикнул: – Ну нигде нет покоя! Даже на этом отдалённом острове! Господи, дай мне силы выдержать это испытание!

Я с интересом выслушал его монолог и, предположив, что это интеллигентный человек и, вероятно, с театральным образованием, не побоялся задать ему ещё один вопрос:

– А с зонтиком что прикажете делать?

– А зонтик, невоспитанный абориген, засуньте... сами знаете куда! – взвизгнул интеллигентный человек. – Мы с вами не знакомы даже, а вы меня идиотскими вопросами уже затравили! Как вам только не стыдно!

После этих слов, с оскорблённым видом, гордо вскинув голову, он убежал от меня трусцой, ёкая селезёнкой.

Я поправил этюдник, оттягивающий мне плечо, и продолжил свой путь к Коневским озёрам. Проходя мимо Успенской церкви Гефсиманского скита, вдруг услышал:

– Здесь я теперь живу, а ты кто такой?

Повернувшись в сторону голоса, увидел подбоченившегося, одетого во всё чёрное невысокого человека с чёрной нестриженной бородой.

– Художник я. Из Москвы. Пишу Валаамские пейзажи...

– То-то что художник, – прервал он меня, – оно и видно, коли брюки зелёные надел, или, может, хотел в красных пофасонить? Меня, брат, не проведёшь. Я тут надолго укоренился.

– На ваше место жительства я и не претендую, а в зелёные брюки облачился – потому что других не было. Были бы красные – их бы надел, даже глазом бы не моргнул. На живописи это никак не отражается.

– Да я уж вижу, что ты стреляный воробей. Тебе палец в рот не клади – и штаны не понадобятся...

Он напыжился и явно хотел мне сказать что-то нравоучительное, но в это время послышались звуки гармошки, и вместо этого – радостно потёр руки и произнёс:

– Это ко мне. Слышишь, как наяривает? Концертмейстер!

Я узнал пентаровскую тульскую гармошку.

– Так это же Пентаров веселится. Больше никому.

– Узнал? Вот он у нас какой молодец. Пойду самовар ставить, а ты, хлопец, ступай себе с Богом куда шёл, – и, перекрестившись, засеменял по дорожке к дому начальствующего монаха.

Вскоре показался «концертмейстер». Видно было, что он навеселе. Свекольного цвета физиономия излучала полное довольство собой и окружающей его действительностью.

– Здорово, Пентаров! – поприветствовал я старого знакомого. – Вижу ты, как всегда, открыт для безумств и весёлых забав.

– А то! Я что тебе – научный работник? Мне без аминокислот никак нельзя. Чай, на северном острове живу, поэтому мне всё ни почём. Видел тут как-то твою картинку у Клямкина – ничего. Он ею дыру в стене завесил. Вишь, стало быть, пригодилась. Всё лучше, чем фанерой забивать. Может, ты и мне чего-нибудь изобразишь, а то у меня тоже дырок полно. Изобразишь?

– Для такого оригинального дизайна обязательно изображу. Слава Богу, что не на помойку выбросил. Кстати, как там товарищ Клямкин поживает? Всё так же «Капиталом» Карла Маркса увлекается? Что-то давно не видно его.

– Он временно в Сызрань уехавши, на какой-то там симпозиум. На днях обещал вернуться. Будет тут порядок наводить, а то Сенька – участковый-то наш – в артисты подался. Заезжий режиссёр как только его увидел, так сразу «типажом» назвал. «У нас, говорит, таких физиономий днём с огнём не найдёшь, а здесь – пруд пруди». Надо же, какие у нас на острове таланты пропадают. Недавно Сенька в поселковый совет письмо прислал. Пишет, что последний раз красного партизана играл, но дело в лесу происходило, поэтому он там только между деревьями мелькал и в лицо его узнать невозможно. Тогда, чтобы мы его заметили, он стал рукой махать, словно от комаров отмахивается. Режиссёр увидел и рассердился. Хотел его даже домой отправить за нарушение сценария, столько, говорит, из-за тебя, мерзавец, дублей запорол, так как по сценарию он должен был только глаза вытаращить от ярости и целеустремлённо бежать на врага, а когда успокоился, то даже похвалил. Сказал, что так эта сцена более жизненная получилась. Понял, какой самородок у нас здесь вырос! Да разве сразу раскусишь его, коли он всё время семечки лузгал.

– Ладно, Пентаров, рад был с тобой побеседовать, да только солнце-то не стоит на месте, или ты другого мнения?

– Моё мнение солнце не остановит, а я пойду тешить гармошкой нового гефсиманского жителя. Он как узнал, что у меня гармошка тульская, так непременно захотел её послушать. Я, говорит, сам тульский, так хоть родные звуки в утешение мне будут...

Я уже поднимался на гору Елеон, а словоохотливый Пентаров продолжал что-то говорить, наконец, заиграл на гармошке и ушёл к тульскому сидельцу.

Залюбовавшись видом с Елеонской горы, я не заметил подкравшейся ко мне пионерки и вздрогнул от неожиданности, услышав за спиной её требовательный голос.

– Я забыла, где выбросила Гаркушкин зонтик, а вы там были и, может быть, видели. Он, оказывается, очень дорогой, да ещё и японский: его дедушка когда-то из самой Японии привёз. Теперь Гаркушка меня всюду преследует и требует, чтобы я вернула ему эту «семейную реликвию», а то «родители в наказание могут его без китайских орехов оставить».

– Спускайся с горы. Пройдёшь мимо Гефсиманского скита и после мостика – ещё метров двадцать – с левой стороны от дороги, в кустах. Поняла?

– Поняла. Не первый год замужем, – ошарашила меня пионерка.

– Подожди, не убегай. Никто твой зонтик не возьмёт. Ты мне вот что скажи: красный галстук ты по прихоти надела или по идейным соображениям?

– Галстук мне от родителей достался. Я его в мамином шкафу нашла и надела. Мне очень красный цвет нравится.

Она убежала, а я с надеждой, что больше никто не отвлечёт меня пустыми разговорами, поспешил к Коневским озёрам.

Только я выбрал место на берегу Игуменского озера – самого живописного из трёх Коневских озёр – и сосредоточился на этюде, как вдруг откуда ни возьмись появляется парень с одутловатым лицом и, устроившись за моей спиной, неприятно сопит и грызёт при этом китайские орехи, а пустые скорлупки плюёт мне под ноги. Я пишу этюд, делая вид, что не замечаю его вульгарного поведения, а сам внутренне напряжён и мысленно ругаю его нехорошими словами.

– Гы-гы-гы... натюрморт списываете? Гы-гы-гы, – прервал своё сопение грызун.

– Вас случайно не Гаркушкой величают? – вопросом на вопрос отвечаю я, сообразив, что такое нелепое имя ему вполне подходит.

Он перестал гыкать и изумлённо выпучил на меня свои рыбки глаза.

– Откудова вы меня знаете? Я здесь никогда раньше не был. Сегодня первый раз приехал.

– Пионерка про тебя доложила, что ты её из-за дедушкиного зонтика обижаешь.

– Она первая начинает. Всё время мне резинку от своих трусов показывает и обзывается.

– И как же она обзывает тебя?

– Говорит, что я на какого-то докембрийского ящера похож. Я и не знаю, что это такое. Вот и дедушкин зонтик где-то посеяла.

– Гаркушка – это твоя кличка, или имя у тебя такое затейливое, на гриб похожее?

– Не. Это у меня фамилия такая – Гаркушкин. Пионерка, зараза, меня так обзывает, а зовут меня Рестлен.

– Господи помилуй, где твои родители такое имя откопали? Нерусские они у тебя, что ли?

– Да не, русские. Это имя дед придумал. Он сказал мне, что в нём три великих слова заключены: революция, Сталин и Ленин.

– Ух ты! Уж не Клямкина ли ты внук? Он здесь один такой фанатичный большевик, даром что поселковых коров пасёт.

– Он и есть мой дед. Моя мамка – его дочка. Он нас на Валаам и привёз сегодня на теплоходе.

– Передавай ему от меня привет, а сейчас, извини, мне работать надо.

Гаркушка ушёл, посапывая и расплёвывая китайские скорлупки в разные стороны, а я продолжил писать этюд этого чудесного и некогда уединённого места. Но не прошло и пяти минут, как вдруг послышался гулкой топот и визгливое похрюкивание, казалось, дикий вепрь сейчас выскочит из лесной чащи и набросится на меня, но неожиданно появляется тот самый проходящий турист, который недавно поразил меня своей театральной миниатюрой. Он раскраснелся от бега, а из его груди вырывались разнообразные звуки. Увидев меня, он резко остановился, глаза его беспокойно забегали, и, взметнув над головой кулак, заорал:

– Вот значит как, местный абориген! Ты меня преследовать вздумал! Ты даже не представляешь, что я сейчас с тобой сделаю, несчастный!

Тут только меня осенила догадка, и, перебив его гневный монолог, я сказал ему спокойно и с достоинством местного аборигена:

– Во-первых, не орите, а лучше успокойтесь и ответьте мне честно и без театральных выкрутасов: Гаркушка с китайскими орехами – ваш сын, или это неизвестно – чей сын, выдающий себя за внука тутошнего пастуха-марксиста Клямкина?

Глаза бегуна округлились, и он неожиданно стал похож на постаревшего Гаркушку, но затем его лицо наполнилось высокомерием, и, судорожно шаркнув ногой, он отрекомендовался:

– Милостивый государь, перед вами дворянин в десятом поколении, штабс-капитан Гаркушкин Херимон Фортунатович, и, следовательно, Гаркушка, как вы изволили выразиться, есть мой единокровный сын – продолжатель нашего славного аристократического рода. Я в нём души не чаю и потому балую его китайскими орехами!

– Дело в том, что пионерка, – при этом слове лицо штабс-капитана дёрнулось, вытянулось и стало наливаться голубой дворянской кровью, – тоже где-то бродит неподалёку с зонтиком вашего сына, а ваш сын всюду ищет её с намерением этот зонтик у неё отобрать и одновременно с этим всюду расплёвывает китайскую скорлупу. Вы бы при случае объяснили ему, коли вы такой древний дворянин, да ещё штабс-капитан в придачу, что в заповеднике только этого добра не доставало.

– Это гнусное и вульгарное создание, судя по тому, что она проделывает с моим сыном, настолько безобразно и порочно, что я просто готов задушить её же красным галстуком. Какая мерзкая девка свалилась на нашу благородную семью! Прохода нам не даёт. То и дело всякие непристойные фокусы выкидывает, давеча не постеснялась резинку от трусов моему мальчику продемонстрировать. Он, естественно, сразу занервничал – не понимает в чём дело. Вы даже представить себе не можете, какая у него от рождения ранимая и тонкая душа. А ей хоть бы хны. Понятно – чёрное семя! Ах! Где мой сын? – внезапно завопил он, воздев руки и закидывая назад голову на манер глухаря на току, побежал и скрылся за кустами, оставив после себя облачко пыли.

– Нет! Это что-то невообразимое, что-то фантазмагорическое! – я в сердцах бросил кисть на палитру. – Видно, сегодня не мой день!

Солнечные лучи пробивались сквозь листву, ни ветерка, озеро сияло и искрилось на солнце, отражая в воде застывший лес – красо-

та просто завораживала, но работать я уже не мог. Сложив этюдник, отправился домой.

Когда я вошёл в нашу мастерскую, Лео с сонным лицом сидел на скрипучей кровати и смотрел в окно на Монашеский сад. Мы жили в дощатом летнем домике за садом Воскресенского скита. В советское время этот скит использовали как турбазу – тогда-то эти домики и были здесь построены. Сейчас в них жили экскурсоводы. Температура внутри помещения зависела от температуры окружающей среды. Её понижение за отметку двадцати градусов тепла действовало на моего друга усыпляюще, вызывая затяжное уныние и безуспешные попытки читать книгу «Как стать гением». В жаркие солнечные дни он мог читать её запоем и, победоносно глядя на свои картины, цитировал мне наизусть наиболее впечатлившие его строки.

– Ты где был? – спросил он меня обиженно.

– На Коневские ходил, хотел там этюды поделать, да не вышло ничего.

– А меня чего не разбудил? – нахмурился Лео.

– Жалко было, уж больно крепко ты спал.

– Что там с погодой делается?

– Хорошая погода, солнце светит, – горестно вздохнул я.

– Моя погода, – оживился Лео и принялся кипятить воду для кофе.

В этом рассказе я не предусматривал присутствие моего друга, а хотел показать, как трудно порой найти уединение художнику, даже на отдалённом острове. Но Лео проснулся и напомнил о себе, кроме того, внезапно распахнулась дверь, и на пороге нашего жилища возникла неугомонная пионерка с измученным котёнком на руках и японским зонтиком под мышкой. Котёнок вяло вырывался, пытаясь избавиться от дальнейших мучений.

– Вот вы где! – бодрым голосом воскликнула она.

– Твоего Гаркушку я встретил на Коневских озёрах, – уже как к старой знакомой обратился я к ней, совершенно не удивившись её появлению. – Он мне пожаловался на тебя, дескать, ты первая его обижаешь, да ещё резинку от трусов показываешь и таким образом, как мне сказал его папа, травмируешь его психику, а он, опять же со слов папы, оказывается, мальчик чрезвычайно впечатлительный.

– Ничего я не травмирую! Подумаешь, какой впечатлительный нашёлся. Я ему просто похвасталась любимыми красными трусами, которые мне мама сшила. Она ещё и платье мне стачала из бабуш-

киных кухонных фартуков. Правда, красивое? – и, бросив котёнка на кровать моего друга, который до этого изумлённо слушал наш диалог, принялась крутиться по всей мастерской, демонстрируя своё цветастое, довольно странного покроя платье.

– Ничего особенного, – оживился Лео, – я и по красивее видел. Могла бы и сама такое платье себе сотворить.

– Мне некогда этим заниматься. У меня и так много дел. Я очень активная, и мне много надо успеть в этой жизни.

– Если не секрет, к кому же ты такая активная приехала? – спросил я её.

– У меня здесь дядька живёт. Мамкин брат по фамилии Пентаров, но у него замок на двери висит. Я соседку его спросила про дядьку, а она лыка не вяжет – с утра нализалась. Вот я и бегаю по острову: дядьку своего ищу.

– Что же ты меня раньше о нём не спросила? Ты же от него в двух шагах была. Он сейчас играет на гармошке в Гефсиманском скиту. Недалеко от того места, где ты зонтик в кусты забросила.

– Надо же! Я гармошку слышала, но не подумала, что это мой дядька играет. Теперь я к вам часто буду заходить: картинки смотреть – вон их сколько у вас. Я тоже люблю рисовать, но у меня пока плохо получается. Научите меня рисовать?

– Это ты к нему обращайся, – кивнул я на насупившегося Лео, – он в школе учителем по рисованию был. Ну что, Лео, будешь пионерку учить?

– Конфеты принесёт – буду, а то на Валааме конфет днём с огнём не найдёшь. С конфетами у меня картины лучше получаются.

– Конфеты – это ерунда, – махнула зонтиком пионерка, – у Гаркушки их полно. Он сколько хочешь мне конфет даст, если я захочу. Ладно, побежала я, а то вдруг дядька опять куда-нибудь смоеется.

– Пентаровская порода. Сразу видно, – засмеялся Лео, когда за пионеркой закрылась дверь, и отхлебнул из кружки крепки чёрный кофе.

– Это точно. Без комплексов.

Солнце продолжало согревать землю. В Монашеском саду порхали с ветки на ветку садовые славки, пеночки-зарянки, варакушка с разноцветной грудкой пряталась в кустах красной смородины, а крошечный королёк удивлённо тарасил свои глаза-бусинки на двух художников, пробирающихся с этюдниками сквозь заросли купыря к Монастырской дороге. День обещал быть тёплым и безветренным, и

мы решили отправиться к Крестовому озеру, до которого нам предстояло пройти не меньше восьми километров...

– Смотри-ка, тут змеи кругом, а ты мне ничего не говоришь! – Лео с опаской обходит едва шевелящегося полумёртвого ужа, раздавленного недавно проехавшей машиной.

– Лео, открой глаза – это же уж. Подойди к нему, он умирает. Надо убрать его с дороги.

– Ты что, хочешь, чтобы я это сделал!? – возмущается он

– Почему бы и нет. Иначе ты всегда будешь змей бояться. Смотри, какой он большой. Может, это царь ужинный. Он достоин того, чтобы его похоронили. Надо для этого ямку вырыть.

– Да тебе лечиться надо, по-моему, ты уже совсем того. – Лео крутит пальцем у виска. – Может быть, ты прикажешь ещё и гроб для него сколотить? Ладно, хватит время терять! А то мы так вообще до Крестового озера не доберёмся!

Внезапно из зарослей на дорогу выскакивает растрёпанная пионерка с вытаращенными от ужаса глазами и со всех ног несётся к нам. За ней выбегает разъярённый дворянин. Глаза его горят гневным огнём. Он пытается что-то кричать, но, кроме повизгивания, ничего не слышно.

– Ой, спасите меня! Он хочет меня галстуком задушить! – орёт насмерть перепуганная пионерка.

Она подбегает к нам и укрывается за спину моего друга.

– Эй, алё! – в свою очередь орёт тот. – Тебе лучше за Бусахина спрятаться. Он вон какой здоровый!

Разъярённый дворянин бросается на пионерку, та испуганно вопит за моей спиной. Появляется Пентаров с гармошкой наперевес, он бежит во всю прыть, чтобы защитить свою племянницу. За ним ковыляет плачущий Гаркушка с китайскими орехами за щеками. Все они окружают нас с Лео. От их воплей, казалось, померкло даже солнце... Внезапно ор прекратился.

– Что здесь происходит? – услышал я знакомый голос за спиной.

Пастух Клямкин собственной персоной стоял и сердито смотрел на нас.

– Тут царственного ужа раздавил какой-то ротозей, и мы хотим достойно его похоронить, – за всех ответил я ему.

– Вот это правильно! – весело сказал он. – Только орать-то зачем? Вы так всех животных тут распугаете. Это же всё-таки заповедник.

После торжественных похорон товарищ Клямкин произнёс пламенную речь, в которой высказал не только печаль по поводу безвременной кончины ужа, но и покритиковал местные власти за слабое руководство заповедником, а также поклялся отыскать убийцу рептилии. Завершил он своё выступление критикой «мирового капитализма».

Выслушав со слезами на глазах эту пламенную речь, мы все взяли за руки и душевно расцеловались. Пионерка сняла свой галстук и подарила его Гаркушке. Тот, в свою очередь, одарил её конфетами. Штабс-капитан на радостях прижал бывшую пионерку к своей офицерской груди и ласково держал её, пока она не вырвалась. Клямкин, поддавшись общему ликованию, пригласил всех к себе в гости, чтобы отметить его возвращение на Валаам, а заодно и помянуть «утраченное заповедное животное». Лео, до этого стоявший с мрачной физиономией и всё порывавшийся уйти на Крестовое озеро, услышав слово «отметить», сразу повеселел, а когда бывшая пионерка втихаря сунула ему конфеты, сказав, что это «задаток», без лишних раздумий вместе со всеми, под Пентаровскую гармошку, отправился в гости к Клямкину.

К себе мы вернулись только под утро. Над древним островом вставал очередной рассвет, а по розовеющей Ладоге теплоход вёз новую группу любознательных туристов, чтобы через несколько часов эта заповедная тишина снова наполнилась людским гомоном и криками. Такой уж это остров, который не только своей красотой и историей привлекает сюда людей, но и своим именем – ВАЛААМ, – которое заключает в себе некую древнюю мистическую тайну, и вряд ли её когда-нибудь удастся разгадать.

ИННА ДЁМИНА

Метамодерновая блёстка

В литературной гостиной Лолы Уткировны Звонарёвой, кандидата филологических и доктора, профессора исторических наук, яркого критика, неукоснительно регулярно, два раза в месяц, в доме-музее Михаила Булгакова проходят литературные встречи с интересными людьми: поэтами, прозаиками, переводчиками современной России. В конце прошлого, 2022 года появился новый поэт, молодой 25-летний парнишка, окончивший Литературный институт Сергей Лебединский-Петров. Первым своим выступлением заинтриговал, буквально заворожил, сходу привлёк к себе пристальное внимание литераторов гостиной. Владимир Маяковский чеканил свои стихи. Сергей – рубит, сечёт! Паузы и междометия! Многоточия, запятые, тире! Слова, прерванные, как полёт Владимира Высоцкого, на слоги, слоги – на отдельные буквы. Мимика при этом яркая и разнообразная. Лицо играет если не первую, то точно вторую скрипку его звукового, почти музыкального соло!

Дёмина Инна Владимировна, кандидат педагогических наук, автор 50 научных работ. Член Союза писателей России, прозаик и поэт, автор 10 литературно-художественных книг и 44 публикаций в журналах, альманахах, сборниках МГО СП России. Дипломант литературно-общественной премии «Родина-мать зовёт» с вручением медали «75 лет Победы СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» МГО СП РФ. Номинант конкурсных сборников «Душа православия» и «Рождённые в СССР». Дипломант «Академии поэзии» 2019, 2021 гг. Работает в литературных гостиных В.М. Богданова, Л.У. Звонарёвой, В.Н. Иванова.

К сожалению, к содержанию мне не удалось пробиться. После второй встречи мы познакомились.

– Серёжа, ваш стиль, манера произнесения стихов меня поражают. А до содержания стихов сходу, без подготовки, не достучаться. Дайте мне из напечатанного что-либо прочесть.

Сергей принёс мне три стихотворения, буквально рассыпанные на 17 страницах с двух сторон. На одной странице печатного листа «изображены» лесенкой сверху донизу 16 якобы слов, отдельных слогов с многоточиями, тире, кавычками. Ничего не поняла. Содержание за всем этим теряется, прячется, играет в прятки. К нему не пробиться. Как нужно было позвонить автору! Телефонами не обменялись. В тексте есть иностранные фразы, содержащие почти ненормативные выражения. После многократного прочтения так называемого текста родился мой ответ:

*В твоём «Послание», милый Серж,
Есть стиль и буква, в нём стержень свеж,
Настолько свеж, что ой-ой-ой,
Поймёшь – лишь в прорубь с головой!
И друг мой, поднырнув в «Крещение»,
«Извини», – сказал, сокрыв смущенье, –
Чтоб это творчество понять,
Не стоило под лёд нырять,
Англосаксонский перевод
Оценку произвёл без вод:
Shit в новейшей упаковке
И аромат известный. Тройка!*

20.01.23, 18 часов, на улице -2, град

Встреча с Сергеем заставила меня пристальнее взглянуть на то, что происходит сейчас в поэтическом творчестве. Что волнует самих авторов? Как и для меня, сегодня по-прежнему значима проблема соотношения в поэзии содержания и формы. Всякую мысль, идею донести до кого-то можно только облекши их в некую форму, подать должным образом. Можно сколь угодно изощряться с формой, но если нет за ней смысла, она рано или поздно начнёт справедливо раздражать читателя. Как пишет поэт Алексей Ахматов, заместитель председателя поэтической секции Санкт-Петербургского отделе-

ния Союза писателей России, «поэты постепенно отходят от игры с формой, поскольку всё это сложно, для этого нужно изучить основы стихосложения, силлабо-тоники». Не все ведь обучались в Литературном институте. Сегодня время от времени встречается форма верлибра. Признаться, читать такие стихи не очень хочется, да если ещё отсутствует пунктуация... И «афоризм», кажется, Николая Гумилёва о поэзии, которая есть – лучшие слова в лучшем порядке – мало помогает в понимании соотношения формы и содержания в поэзии. Что такое «в лучшем, в худшем»? Далее Гумилёв нам не расшифровал.

На только что прошедшей гостинной Лолы Звонарёвой литературным её героем был Сергей Лебединский-Петров. Он меня заинтересовал. Предложила ему интервью. Сергей принял мою задумку. Продумав многочисленные вопросы, которые возникли у меня после прочтения его «текстов», дала ему перечень вопросов. Через некоторое время мы встретились в кафе. Два часа общались в рамках, очерченных вопросами. Парень он интересный, смелый, начитанный. Обладает тонкой психологической организацией, «чутьём», что помогает ему точно окрашивать нужными эмоциями звучание своих слов, насколько лучших (по Гумилёву), не знаю, находить приемлемую жестикуляцию, адекватную ситуации, улавливать реакцию слушателей и тут же на неё реагировать.

– Как называется ваш метод изложения текста на бумаге и манера его произнесения? – спрашиваю.

– Обобщённо всё это можно назвать приёмами и методами новейшего современного направления в искусстве и литературе – метамодерна (метамодернизма), метарифма или осцилляция (колебание) на уровне синтаксиса.

– Вы им овладели, обучаясь в Литературном институте, или он – ваше личное изобретение, творчество?

– Безусловно, большинство излагаемых мною идей – плоды долгого и упорного труда в области восприятия и освоения мировой культуры, и вклад в это института трудно переоценить. С другой стороны, я являюсь продолжателем и распространителем идей Тимотеуса Вермюлена и Робена ван ден Аккера. Они впервые ввели термин осцилляции, колебания. Моё личное изобретение заключается в том, что осцилляцию я перенёс в пространство синтаксиса. Поэтому ответ на этот вопрос у меня двоякий. С одной стороны, я являюсь продолжателем идей Вермюлена и Робена ван ден Аккера. С

другой стороны, осцилляцию на уровне синтаксиса я пока не встречал среди современных поэтов. Это моё ноу-хау.

– Свобода публикации, давшая сегодня возможность почти каждому поэту иметь авторские сборники стихов, наводнила книжные магазины. Чтобы успевать прочитывать хотя бы малую толику от выходящего, нужно иметь много свободного времени, да и финансы. Каким образом вы знакомитесь с выходящим поэтическим потоком? Не все же выкладываются в интернет.

– Я работаю, даю частные уроки литературоведения. Кроме того, недавно окончил Литературный институт, где раздел изучения состояния поэтического творчества был обязательным. Естественно, много читаю.

– Что для вас главное – что сказать или как сказать?

– На данный вопрос я отвечаю сразу несколькими способами. Если отвечать по-модернистски, важна гармония смысла и формы. Если отвечать по-постмодернистски – ни то ни другое. Если подойти к ответу с точки зрения метамодерна – одновременно и то и другое, ни то и ни другое и, возможно, что-то третье (тонкости философии метамодерна). Чтобы полностью понять данный ответ, нужно разобрать хотя бы одно стихотворение.

Я открываю первую страницу данных мне ранее Сергеем семнадцати листов с содержанием на них только ТРЁХ стихотворений, написанных на обеих сторонах листа. Первое из них называется «.. по-слание!..-». Текст состоит из слогов, точек, тире, двоеточий, отдельных букв. Написанное редкой лесенкой, оно заняло ВОСЕМЬ страниц. И начинается разбор. В самом названии с такой формой записи уже заложена идея – философия стихотворения: это может быть «любственное послание», либо «послание подальше...», либо что-то третье, что может преподнести конкретная жизнь, ситуация. Из этой «трилеммы» Сергей выходит с помощью эмоций, чувств.

– На первый план выступает здесь одна очень важная деталь – энергетика. Очень важно, чтобы человек, даже не понимая и не осознавая произнесённое, получал эмоции, энергетику.

– Такой подход, на мой взгляд, требует от автора, т.е. поэта, недюжинного актёрского мастерства? Вы это хотите сказать? Ну да. Иначе слушатель ничего не поймёт. Когда не понимаешь, не хочется и слушать.

– Да, это так. Метамодерн – это, помимо всего прочего, доминирование чувств над разумом. Невозможно разумом познать счастье жизни, поэтому стоит передавать чистую эмоцию. Это, как мне кажется, очень важно.

– Совершенно верно! Я слышала ваши выступления уже четыре раза. Реакция зала была сначала «гробовая». Я вообще восприняла выступление как некую шараду, некий актёрский номер-юмор. Не поняла сути, но форма вашего представления мне понравилась, я живо зааплодировала, не подавляя эмоций. Мне стоило по окончании гостининой немножко задержаться, чтобы прочувствовать атмосферу воздействия нового на остальных присутствующих. Но тогда эта мысль меня не посетила. На следующем вашем выступлении кто-то слегка хихикнул. Подумалось, его что-то заставило встрепунуться? В моём мозгу щёлкнулась некая связь. Что заставило вас прибегнуть в этом стихотворении к ненормативной лексике, облачив её в английский язык? Ответ вытекает из парадигмы метамодекна: возможна гармония между содержанием и формой, возможно превалирование одного или другого, возможно что-то третье, и всё это может быть одновременно. Вне морали и нравственности?

– Мораль и нравственность – не категории искусства. По данному поводу стоит сказать изъезженную, но правдивую фразу – искусство никому ничего не должно. Оно может находиться в контексте неких явлений (например, морали и нравственности), но отнюдь ими не ограничено. Как бы ни хотелось сказать обратное. Стоит привести два аргумента, подтверждающих данный тезис. Первым послужит вопрос, эхом облетевший планету уже достаточно давно: «Можно ли писать стихи после Освенцима?» Действительно, в умах многих людей укоренилась мысль о том, что поэзия – это нечто возвышенное и светлое. И да, это отчасти так, но в нынешних реалиях, живя в мире, пережившем все «прелести» XX века, следует помнить прошлое и отталкиваться от него. Считаю необходимым показать людям их гадостные, мерзостные стороны во всех возможных, даже гротескных объёмах. Вторым аргументом может послужить многим знакомое стихотворение В.В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо». Гениальный советский поэт ответил на поставленный ему абсолютно непоэтичный вопрос, не ответив на него. Лишний раз продемонстрировав, что искусство находится вне всяких парадигм.

Недвусмысленный ответ на затронутый нами вопрос даёт Оскар Уайльд в предисловии к своему роману «Портрет Дориана Грея»: «Нет книг нравственных или безнравственных. Есть книги хорошо написанные, а есть плохо. Вот и всё». Да, сама по себе добродетель не способна диктовать художнику верный поэтический выбор. Это делают эстетика, эмоции.

– Анализируете вы сами, как вас воспринимают? Как часто и в каких возрастных аудиториях выступаете?

– Сейчас я стараюсь выступать чаще. Ранее все излагаемые мной идеи были не до конца сформулированы. Теперь этот вопрос решён и концепция готова. Мы с командой сейчас активно сотрудничаем с различными организациями, выступаем в музеях, библиотеках, барах и кафе. Отдельно развиваемся в интернете. Открыты и рады сотрудничеству. Воспринимают энергетику – это главное. Дарить счастье, осознанность и радость жизни – это моя профессия.

– Вы считаете, что вы своей поэзией несёте людям счастье. Как это выглядит?

– Испокон веков русский поэт нёс в народ, сеял доброе, вечное. Так было всегда, так будет и впредь.

Я заметила Сергею, что, на мой взгляд, этого мало для «расшифровки» значимости его личного творчества. Но мы встретились в обеденное время, и моя попытка как-то растворилась в воздухе, «захлебнулась» пищей.

– Способны вы произносить ваши стихи без листа, наизусть? – оставив предшествующий неудобный вопрос в покое, я перевела разговор в другую плоскость.

– Да, но это непросто. Люди чаще всего легко запоминают стихи из-за обычной рифмы (созвучия в конце строк). В моём случае этого нет. Метарифма рассчитана на созвучие смыслов. Запоминать такие тексты всё равно что прозу, а учитывая замедления и паузы, даже сложнее.

– Кто была выступавшая с вами девушка?

– Её зовут Нета. Нета Иванова. Она юная и талантливая поэтесса, поэтка, поэт. Весела и очень интересна.

– Слово «поэтка» слышу впервые. Это ваше изобретение? Да, девушка хороша, сразу бросается в глаза. В ней немало пластики, шарма, она артистична и эффектна! Произносила свои тексты, как зрелая актриса! Такая мастерица способна любой «изм» «раскрасить»

такими красками и преподнести с таким чувством, которых в нём даже и нет.

В итоге можно сказать о появлении в поэзии чего-то нового и пока малопонятного, что начинает напоминать начало XX века с его многочисленными ИЗМАМИ, которые привели к Серебряному веку русской поэзии. Когда он закончился? Со смертью поэтов Серебряного века? Умерли поэты, и многое из их «измов» исчезло. После них какой век был? Какой век сейчас? Тот, который и является исконно Русским веком поэзии?! Той поэзии и поэтов, которые по-настоящему дарят радость и счастье жизни!

Встреча с Сергеем заставила меня ещё раз задуматься о значимости сегодня вопроса соотношения формы и содержания в поэзии. Она сегодня не только по-прежнему, а особенно значима.

Спустя какое-то время я пригласила Сергея выступить с его стихами в литературной гостиной Владимира Михайловича Богданова в библиотеке на метро Щукинская. 26 марта 2023 года мы с Сергеем вместе, чтоб освободить его от необходимости искать нужную библиотеку, приехали на встречу с литераторами нашей гостиной. Когда Владимир Михайлович пригласил Сергея на кафедру, я вдруг заволновалась, как воспримут наши поэты, которые в два, три и некоторые в четыре раза старше Сергея, его выступление. В гостиной было больше трёх десятков поэтов. Кстати, вдруг задумалась – сколько среди нас членов Союза писателей? Надо выяснить. Когда Сергей закончил, раздалось разрозненные, неуверенные, робко оживающие аплодисменты. Вслед за ними некий шорох пробежал по рядам. Заинтересованность присутствующих нарастала. И мне вспомнился остроумный, не лишённый юмора афоризм Евгения Водолазкина по поводу аплодисментов: «Он ещё не так много выступал с речами, чтобы разбираться в аплодисментах». Позже я спросила двух близких мне литераторов об их впечатлении от услышанного. Сказали, что было интереснее на него смотреть, слушать высотно-эмоциональное движение его голоса, чем вслушиваться в произносимые им непонятные слова-звуки. На мой взгляд – к сожалению, я больше прозаик, чем поэт, – Сергей профессиональный поэт, разбирается что к чему, он найдёт своё место в поэзии.

ГЕННАДИЙ КУЗЬМИНСКИЙ

Вера, Надежда, Любовь

Во второй половине двадцатого века население старых российских деревень в тёплый период года значительно увеличивалось. На летние месяцы в деревнях собирались бывшие жители, покинувшие родные места в поисках лучшей доли. К «старикам» приезжали внуки, приезжала на каникулы и в отпуск молодёжь, совсем недавно покинувшая родные места. Появились дачники.

Кузьминский Геннадий Алексеевич родился в самой лучшей, как он считает, стране планеты Земля — Союзе Советских Социалистических Республик. Рос в деревне, учился в сельской школе в Ярославской области. После окончания мореходного училища ходил в море на сухогрузе электромехаником. За три года побывал во многих странах мира. Затем, после срочной службы в Советской Армии, окончил Юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Был распределён на службу в МВД СССР. По долгу службы объездил почти весь Советский Союз. Побывал на дальнем востоке и крайнем западе великой страны, был за Полярным кругом и в южных пустынях. Видел, как и чем жила большая многонациональная страна, что волновало людей той эпохи.

Воспоминания из детства и юности, встречи с людьми и легли в основу его произведений. С большой любовью и теплотой автор пишет о своей малой родине, односельчанах, друзьях детства, сослуживцах и случайных знакомых. Читая его стихи и прозу, мы окупимся в жизнь простых людей, которая сейчас нам кажется безмятежной, увидим красоту и неповторимость родной природы с её удивительной сменой времён года. Узнаем, что когда-то дружба и любовь, благородство и взаимопомощь, преданность и верность были не пустыми словами, а присутствовали в повседневной жизни.

И, может быть, мы удивимся!

Мишка с раннего детства проводил всё лето в деревне у своего дяди, где у него были два двоюродных брата, один на год старше, другой на год моложе. Он окончил третий курс медицинского института и каким-то хитрым способом оформил прохождение месячной практики в местной больнице, что была в соседнем селе. На «работу» ездил на велосипеде или на мотоцикле, что был у его брата Кольки. Мишка был очень коммуникабельным парнем, быстро сходилась с людьми разных полов и возрастов. Весёлый нрав, эрудиция, доброта и незлобивость, вдобавок и привлекательная внешность, везде делали его своим парнем. В больнице к нему относились, как к гостю, и особо не требовали соблюдения трудового распорядка. На рабочем месте он появлялся ежедневно, но долго не задерживался. Много времени проводил на почте, где за перегородкой сидела Любка, девушка приятная во всех отношениях, хотя и замужняя, что, кстати, делало её ещё привлекательнее. Муж почему-то так не считал и большую часть времени проводил у своих родителей в другой деревне. Наверное, по этой причине детей у них и не было.

Заговорили, что в лесу пошли грибы. Мишка был не большой любитель сбора грибов, как его брат Колька, но отказать в походе за грибами ему не мог. Встав утром пораньше и взяв корзинки небольших размеров, они отправились в лес. Решили, что собирать будут только хорошие грибы, а всякие переростки брать не будут.

Погода стояла самая грибная. Накануне прошёл дождь, небо в сплошных облаках, не жарко и не холодно. В лес шли сначала по полям, потом по лесной дороге, потом свернули на тропу, а затем сошли с тропы и углубились в нехоженный лес.

В сосновом лесу, поросшем папоротником, начали попадаться сначала лисички, которые как огоньки высвечивались то по одному, то стайками. Потом появились и белые, но их было не столько, как хотелось бы. Вокруг небольшого болотца, где растут осины и берёзы, наряду с редкими белыми стали попадаться подосиновики и подберёзовики, но подберёзовики они не брали, надеялись набрать грибов без них.

Бродили долго, порой шли-шли, и ни одного гриба. Куда зашли, и сами не знали. Уже устали и засобирались домой, в надежде добрать корзины на обратном пути. Но вот где дом, задача? Солнца на небе не видно, а другие ориентиры ненадёжны. Посовещались, изучили лесные приметы и пошли, как они предполагали, на восток.

Лес был какой-то неправильный. То и дело попадались маленькие болота, поросшие высокой травой или густым ивовым кустарником, вперемешку с тонким березняком. Некоторые болотца обходили стороной, через другие лезли напролом. Грибы почти не попадались, да и собирать их настроения уже не было, особенно у Мишки. По их подсчётам они должны были уже выйти на одну из дорог, имевшихся в этом лесу, Колька об этом знал.

В какой-то момент у них закралось сомнение в том, что они идут в правильном направлении. Решили скорректировать маршрут, хотя, кто ходил по лесу, знает, что пути в лесу неисповедимы. Можно целый день ходить по кругу и никуда не выйти, пока не получишь какой-нибудь точный ориентир. Да и по дороге можно пойти совсем не в ту сторону.

Долго ли, коротко ли шли, где-то сбоку замаячил просвет, что их очень порадовало.

– Может, опять болото? – сам у себя спросил Михаил.

– Сейчас посмотрим, – подбодрил его Николай и повернул в ту сторону, где маячила робкая надежда на спасение.

Через несколько минут грибники вышли на овсяное поле, а за полем в полкилометре виднелись крыши деревенских домов.

– Куда вышли? – спросил Мишка.

– Пока не знаю, сейчас поглядим, – ответил Николай и двинулся напрямик к крайнему дому.

Войдя в деревню, Николай радостно произнёс:

– Так это, кажись, Большое Лопатино? Я с дедом через эту деревню на лошади в город на базар ездил. А там дальше, – Николай показал рукой вдоль деревни, – должно быть Малое, но нам туда не надо. Нам по этой дороге в другую сторону. А вон и колодец, мне помнится, мы у него лошадь поили.

– Колодец – это хорошо, пить позарез хочу, пойдём попьём, – уже на ходу произнёс Михаил.

Подошли к колодцу, сняли с гвоздя помятое ведро, бросили в корзины кепки и собрались черпать воду, как из большого дома напротив выскочили три нарядные хохочущие девчонки.

– Вот у них и спросим, – обрадовался Мишка. – Девушки! – прокричал он. – А где я?

– Это у тебя надо спросить, где ты? – ответила русоволосая красавица с короткой стрижкой и в таком же коротком платье.

– Если бы я знал где, я бы у тебя не спрашивал, – Мишке захотелось поближе рассмотреть девушек, и он направился в их сторону.

– Сейчас ты в Большом Лопатине, а сам-то откуда? – спросила вторая девушка с бигудями на голове, в чёрной короткой юбке и белой кофточке.

Взглянув на говорившую, Мишка застыл на месте и молча смотрел на её грудь, которая распирала белую кофточку с двумя растёгнутыми верхними пуговицами. Он поднял взгляд на лицо и произнёс:

– Из леса я. Видишь корзинки у колодца? За грибами ходили.

– Говорят, мало грибов-то, не пошли ещё? – снова включилась в разговор русоволосая.

– Мало, – согласился Мишка и посмотрел на третью собеседницу. Та была самая высокая из них. Одета в чёрные брюки, обтягивающие ягодицы и ляжки, и пышную полупрозрачную блузку розоватого цвета с крупными розами либо пионами, а может, георгинами. Тёмные волосы, свисающие ниже плеч, собраны сзади в хвост с большим розовым бантом. Сквозь блузку отчётливо был виден бюстгальтер телесного цвета.

– А куда это вы такие красивые собрались? – спросил кавалер.

– Наверное, не за грибами, – ответила грудастая.

– А я бы взял всех вас! – широко улыбаясь, посмотрев на всех по очереди, начал Мишка. – Мне даже пить расхотелось.

– А не жирно ли будет? – подала свой голос и хвостатая.

– Нет, не будет, – начал было Михаил, но его перебили.

– Откуда ты такой шустрый взялся? – снова спросила девушка с бигудями.

– Я же сказал, из леса, а вообще – из соседней деревни, – отшутился собеседник.

– Что-то не видела я тебя в соседней деревне, да и не похож ты на деревенского, городской, наверно? – предположила русоволосая.

– Какая разница, был бы человек хороший, – снова в шутливом тоне начал Мишка, но его снова перебили.

– А кудри-то на голове свои или, как я, завиваешь? – смеясь спросила грудастая.

– Свои, от отца достались, – Мишка провёл рукой по голове. – Так куда вы всё-таки вырядились?

– Не нравится, что ли? – изумилась хвостатая.

– Нравится, я бы тоже с вами, да одет не по форме, – посетовал Михаил.

Николай тем временем зачерпнул воды и попил через край ведра.

– Мишка, иди, пей!

– Значит, Мишка? – чем-то довольная, проговорила грудастая.

– Мишка, Мишка! А вас как прикажете называть?

– Не поверишь, – ответила та же грудастая. – Вера, Надя, Люба!

– Люба, конечно, ты? – почти с уверенностью сказал Михаил и снова впялился в то место, где были расстёгнуты пуговицы.

– Да, я, а как ты догадался? – начала кокетничать и крутить задом Люба.

– Интуиция! – с гордостью ответил Михаил, а сам вспомнил про Любку, грудь которой он целовал позавчера. – Для полного комплекта Софьи не хватает!

– Софьи не хватает, но зато есть Галя и Марина, – начала речь хвостатая.

– Ну ты идёшь, или я вылью? – прокричал Николай.

– А у меня есть Колька, скромный парень и тоже холостой, – Мишка повернулся в сторону колодца. – Выливай, я уже не хочу!

– Мы тоже незамужние, а вот подругу сегодня замуж выдаём! – проинформировала Михаила русоволосая.

Мишка посмотрел на неё повнимательнее и остановил взгляд на ногах. Её платье было на пуговицах снизу доверху. Тонкий поясок из того же материала был завязан узелком с бантиком сзади на поясице. Нижняя пуговица была расстегнута, и девушка, переминаясь на месте, в разрез показывала свои стройные ноги, выставляла их напоказ.

– А ты Надежда! – сказал Мишка, делая вид, что задумался над её именем, а не залюбовался ногами.

– Снова угадал! – засмеялись все три девушки.

– Ну а ты, получается, Вера, – Мишка стал разглядывать и её. Чёрные прямые брюки делали её ноги ещё длиннее, чем они есть на самом деле. Длинная шея и хвостик на затылке, который болтался из стороны в сторону, когда она отмахивалась от назойливых насекомых, добавляли ей шарма.

– А может быть, ты и на гармошке играешь? – спросила Люба. – У нас гармониста на свадьбе нет.

– В футбол играю, в шахматы играю, на гитаре играю, могу немного на фортепьяно, на гармошке не играю, – с грустью произнёс Михаил.

– А может, в вашей деревне гармонисты есть? – оживилась Любось. – Брат женится, а без гармошки свадьба не такая весёлая. И вообще, у нас парней мало, девушек много, а ребят не хватает, потанцевать не с кем.

– У нас и гармонистов много, и парней полно, а вот девушек не хватает, – стал набиваться на приглашение Мишка, уж очень ему Люба понравилась.

– Так берите гармониста и приходите. Молодые распишутся в городе и в этот дом гулять приедут, – явно оживилась Люба. – Места всем хватит, гостей не так много будет. Городские завтра у невесты гулять будут. К нам-то не проедешь.

– Да уж! Мы пешком еле прошли! – с гордостью сказал Мишка, как будто совершил подвиг. – Но если приглашаете, то приедем!

Подошёл Николай. Познакомились ещё раз, поговорили, обменялись комплиментами. Выяснилось, что большинство причастных к свадьбе либо одноклассники, либо однокурсники. Девушки учатся на медсестёр, где парней можно по пальцам перечесть, а девушки, вот они, да какие красавицы! Люба принесла из дома квасу, напоила Мишку. Он пообещал им, что приедет сам и привезёт гармониста. Братья взяли корзинки и не спеша двинулись в сторону леса.

Девушки некоторое время смотрели им вслед и не понимали, почему они пошли в ту сторону? Они совершенно не представляли себе, что там, за лесом? Жители этой деревни давно уже не бывают в той стороне. Там другая область, большой лес, от дороги осталось одно название. Жизнь за этим лесом представлялась им неоткрытым континентом. Старожилы, возможно, и помнят, что там есть насколько больших деревень, мельница, где зимой можно смолоть зерно, у местных мастеров заказать какое-либо изделие, а теперь этого нет. Да и в обратном направлении люди стали ездить очень редко. Если раньше ездили к железной дороге, которая проходит в двадцати километрах от Большого Лопатина, то теперь появились более удобные маршруты. Ответа на вопрос – куда они пошли – у Веры, Надежды и Любви не было.

Братья шли медленно друг за другом, по-другому было невозможно. Обходили лужи и поваленные деревья, изредка переговаривались. Мишка продолжал восхищаться девушками, а Коля выразил полное равнодушие и на свадьбу ехать не собирался. Пока шли, погода наладилась и стало проглядывать солнце.

Вернувшись домой, переоделись, умылись, перекусили, и Мишка отправился искать себе напарников. Женька, можно сказать, согласился сразу, опыт совместных подобных прогулок у них накопился немалый. Лишь спросил о парнях. Мишка сказал, что парней не видел, но девушки классные. Со слов девок, парней им не хватает, а значит немного, и в случае чего отобьются, если не зарежут или колом по башке не дадут. Ещё раньше в кампанию напросился Витька из крайнего дома. Он, как узнал, что можно попасть на свадьбу, сам напросился, зная, что на халяву можно выпить и закусить.

Нашёлся и гармонист, он был старше Мишки и Женьки на несколько лет, довольно крупный, красивый парень. Был ещё не женат, любил выпить, погулять, подраться и хорошо играл на гармошке. Все его звали Тоха. Невеста у него была, и всё шло к тому, что скоро она на себе его женит. Она была девушка эффектная, решительная и целеустремлённая. Тоха был уже навеселе и не прочь выпить ещё. Свадьба для этого мероприятия вполне подходила, только поедет он туда без гармошки! В Большом Лопатине он бывал, и не один раз, был кое с кем знаком из местных, знал и дорогу.

Во второй половине дня сели на два мотоцикла и окружным путём двинулись в путь, а это километров семнадцать по грунтовым дорогам. Доехали без проблем. Когда подъехали к дому, народ уже веселился на улице. Играла радиолоа, стоящая на столе, прислонённом к стене, тут же стоял кассетный магнитофон, а рядом на скамейке – гармошка «Любительская». На лужайке, прямо под окном, танцевали молодые и взрослые мужчины и женщины. На лавочках сидели более пожилые гости. Поодаль стояли отдельные группки гостей и зевак, что-то выясняли, рассматривали и судачили.

Поставив под дерево мотоциклы, великолепная четвёрка направилась к дому и сразу привлекла к себе всеобщее внимание. Во взглядах было недоумение, народ не понимал намерений четырёх крепких парней, музыка продолжала звучать, но танцы прекратились. Тоха сделал пару шагов вперёд и произнёс:

– Здравствуйте, люди добрые! Вот приехали поздравить молодых с законным браком! – хотя, где эти молодые, он не видел, и как их отличить от всех остальных, не знал.

– Здравствуйте! – раздалось несколько голосов.

Музыка заглохла. От группы танцующих отделилась Любовь, почему-то босиком, и громко, с улыбкой до ушей объявила:

– Это мои друзья, это я их пригласила! – сама подошла к Михаилу. – Вы чего так долго, гармониста привезли?

– Привезли, вы же не сказали, во сколько надо. Вот он гармонист, – Мишка показал на Тоху.

Взгляды окружающих потеплели. Народ был уже «весёлый», а значит добрый, и решил, что гостей прежде всего надо посадить за стол. Вера и Любовь повели новых гостей в дом, снова зазвучала музыка, и танцы продолжились.

Две взрослые женщины без лишней суеты поставили чистые стопки и тарелки.

– Наливайте сами, кто что пожелает, закусывайте чем Бог послал! – собрали несколько приборов грязной посуды и удалились на кухню.

В доме, кроме столов, стульев и скамеек, ничего не было. Парни уселись по двое напротив друг друга, налили в стопки водки, чокнулись. Тоха и Витька сразу выпили и принялись закусывать, а Мишка с Женькой лишь слегка пригубили и тоже стали закусывать. Женька знал, что в незнакомой компании надо оставаться трезвым, а Мишка нацелился на Любу и считал, что пьяной должна быть она, а не он.

Поодаль сидели ещё трое пожилых людей, о чём-то мирно беседовали и ни на кого не обращали внимания. Женька решил, что это тоже чужаки. Девушки стояли рядом, за стол не садились. Пока парни выпили по три стопки, успели перезнакомиться. Между делом в дом заходила Надежда с ещё одной девушкой по имени Марина, и в открытую дверь заглянули две мужские рожи, одна из них рыжеволосая. Женька рассматривал Веру и чувствовал, как внутри у него что-то вскипает от созерцания её шеи и длинных стройных ног в облегающих чёрных брюках. Настроение у девушек было приподнятое. Снова забежала Марина и стала выгонять всех на улицу танцевать и веселиться.

Тоха спросил про молодых. Ему ответили, что жених с невестой пошли к соседям звать их на свадьбу, а заодно и участкового, который приехал к соседям на разборки по какой-то там жалобе. Он родом из этих мест, после армии устроился простым милиционером, а теперь уже лет десять как участковый с тремя маленькими звёздочками.

Все вышли на улицу. Тоха взял со скамейки гармонь, проверил ремни и прошёлся по клавишам.

Радиола замолкла. А когда раздались звуки «Любительской», гости с весёлыми возгласами пустились в пляс. Тоха знал, что надо играть, не первый раз на свадьбе в роли гармониста. А гости уже

достаточно выпили, чтобы расслабиться и выйти в круг. Мишка с Женькой, увлекаемые девчонками, тоже пустились во все тяжкие. Компанию им составляли ещё трое парней, один из которых уже несколько раз падал на землю, но поднимался и продолжал веселиться. Мишка опекал Любу, но иногда отвлекался и на других девчонок, которых было предостаточно. А Женька как клещ присосался к Вере и часто просил медленный танец, чтобы поприжимать к себе партнёршу и нашёптывать ей на ухо всякие небылицы. Она не противилась, слушала его сказки, улыбалась и кивала в знак согласия или одобрения. Он говорил ей, что она ему так понравилась, что он готов ездить к ней на свидание хоть к чёрту на кулички, поскольку для «бешеной собаки сто вёрст не крюк». Верила она или нет, неизвестно, но от поцелуев в губы уклонялась.

Приходил участковый, выпил стопку водки, поздравил молодых и снова ушёл на разборки. Гармонист играл с перекурами на общий или индивидуальный приём алкоголя и был весел. Выслушивал комплименты и продолжал веселить народ. А народ, как повелось на русских свадьбах, затевал всякие розыгрыши, шутки, игры, пел застольные песни, плясал, о драке даже и не думал.

Витька сидел на скамейке с бабульками и рассказывал им страшные истории про инопланетян, с которыми он лично знаком и часто встречается. Убеждал, что умеет превращать людей в кроликов, но сейчас он этого делать не будет, так как они ему не мешают.

В какой-то момент Мишка пожаловался Тохе и Женьке, что тот рыжий парень, что всегда стоит в сторонке с ещё двумя хлопцами, пару раз показал ему кулак. А когда Мишка с Любовью заходят в дом, то идёт за ними и наблюдает из коридора. Ему показалось, что он что-то затевает.

– Если что начнётся, выброси что-нибудь из окна, мы прибежим и разберёмся, – посоветовал Тоха и продолжил играть.

Девчонки куда-то пропали, видимо, пошли по своим женским делам. Женька предложил Мишке воспользоваться моментом и выпить по стакану чая. Мишка согласился. Они вошли в дом, сели за стол и попросили чая. Минуты через три на столе появился самовар с заварным чайником на конфорке и стаканы.

– Подождите немного, заварится, наливайте и пейте, только смотрите, горячий! – сказала кухарка с большим цветастым передником и ушла.

Пока чай заваривался, в избу зашли трое во главе с рыжим и уселись за их стол напротив. Женька пожалел, что приехал без кастета.

– Парни, а не пора ли вам ноги делать отсюда? – начал рыжий.

– Не пора, – ответил Женька, оценивая его и тех двоих, что сидели молча. Ясно было, что у рыжего есть претензии к Мишке из-за Любы.

– Если не уберётесь, ноги переломаем, – снова начал угрожать рыжий.

– Попробуй! – ответил Мишка.

Со словами «и попробую» рыжий вскочил с места и попытался ударить Мишку в лицо. Тот увернулся, и удар на излёте пришёлся в грудь. Мишка выпрямился, схватил за ручки самовар и со словом «б...» бросил его в боковое окно позади себя. Окно со звоном распалось, раздался звук битого стекла, посыпались угли и разлетелись брызги кипятка.

Женька схватился за край стола и опрокинул его на соперников, сидевших на скамейке. Посыпалась посуда вместе с напитками и закусками, в том числе и с соседнего стола вместе с клеёнкой. Завизжали бабы на кухне и на улице. Оказалось, что Мишка с рыжим сидели за другим столом и остались стоять. С их стола съехала только часть посуды. Рыжий потянулся за бутылкой, но Женька, сделав один шаг вперёд, ударил его по лицу сначала слева, потом справа. Рыжий сильно качнулся, но устоял и, зажав лицо руками, ринулся вон, Мишка за ним. Женька, по ходу дела, по одному разу ударил и тех двоих, которые всё ещё вылезали из-под стола и скамейки, и тоже быстрым шагом пошёл из избы.

Когда на Витьку и его собеседников, сидевших под окном на скамейке, посыпались угли, стёкла, полился кипяток, а по земле покатился сначала чайник, а потом самовар, он очень обрадовался: «Наконец-то, началось!» Он схватил одной рукой за ручку самовар и со словами: «Б..., жжётся!» – запустил его в толпу. Народ разбежался, и никому не досталось. Витьку это огорчило. Тогда он поднял с земли чайник и запустил его туда же.

С крыльца выбежал рыжий и, споткнувшись, начал падать, ухватился за Витьку, и они оба завалились на землю. Витька быстро вскочил, добежал до самовара и снова запустил его в народ.

Тоха поставил гармонь и побежал в дом, но не успел. Рыжий валялся на земле, с крыльца сошёл Мишка, а за ним и Женька. Девки,

бабы и мужики стали хватать всех за руки и держать. С крыльца вышли ещё двое, в руках у одного было полено, их тоже похватали. Возмущались только рыжий и Витька. Рыжий кричал, что местные суки увидели чужих и уже готовы им подставить то, что у них есть спереди. Одним словом, «проститутки». А Витьке было обидно, что никого не зашиб, только зря руки обжёт, и теперь они чешутся. Мишка тоже жаловался на самовар, что у него деревянные ручки очень маленькие.

Все потихонечку успокоились. Один из гостей достал из кармана красную повязку со словом «Дружинник», надел её на левую руку и стращал всех бузотёров наказанием по закону за хулиганство. Кто-то очень догадливый сбегал за участковым. Тот пришёл, послушал, что говорят, и особых претензий ни от кого не услышал. Рассудил по-своему мудро.

– Свадьба! А какая свадьба без драки? Это не свадьба, отгуляют, и вспомнить нечего!

Но нашлась одна умная городская тётка со стороны невесты, которая возмущалась, что вот этот алкаш её чуть самоваром не зашиб! Она обязательно будет жаловаться куда следует. Участковому выбора не оставили, и он стал всех опрашивать, кто что видел. Предупредил чужаков, чтобы не вздумали сбежать. Номера мотоциклов он записал, и их всё равно найдут, и только хуже будет.

– А мы никуда и не собираемся, мы не виноваты, нам бояться нечего, – успокоил его Михаил.

– Как не виноваты? А кто самовар выбросил? – начал задавать вопросы участковый.

Поскольку в доме, кроме пятерых «подозреваемых», никого не было, Мишка с Женькой сговорились врать одинаково.

– Мы с Евгением водку не пьём. Решили попить чаю. Нам поставили самовар, дали стаканы, но тут в избу заявили эти трое, якобы поговорить. Сели напротив. А чтобы самовар не мешал разговаривать, я поставил его на подоконник. Вместо «поговорить» они начали нас избивать, – начал жаловаться Мишка, – рыжий здоровяк ударил меня по лицу, я упал на окно и случайно спиной столкнулся с самоваром. Вот и всё.

– А кто же ему нос разбил? – задал вопрос участковый.

– Так это он сам, – продолжил Мишка. – Когда он меня поколотил, ему показалось этого мало, он решил и Витку побить. Выскочил на

улицу, набросился на него, они вместе упали, вот нос себе он и разбил о землю.

– А говорят, он вышел уже с разбитым носом? – настаивал участковый.

– Так он же пьяный, товарищ старший лейтенант, может, в косяк на мосту врезался, я сам об него головой ударился, а он вон какой верзила, – на ходу сообразил Мишка.

– А ты что скажешь, всё забываю, как тебя? – обратился участковый к Евгению.

– А что я скажу? Я как увидел, что Михаила бьют, испугался и побежал, впопыхах случайно стол опрокинул, – скороговоркой выпалил Женька.

– А откуда синяк у Лапшина? Говорит, что это ты ему? – показал свою осведомлённость участковый.

– Не знаю я никакого Лапшина, – начал отпираться Евгений, – и никому я синяков не оставлял, стол случайно опрокинул, это было, а насчёт синяков ничего не знаю.

– Да вон он на земле сидит, – показал пальцем участковый в сторону парня, сидящего, прислонившись к дереву.

– Первый раз вижу, товарищ старший лейтенант, он же лыка не вяжет, что угодно наговорить может.

– Ну как не видел, хватит врать-то, ты же на них стол опрокинул? – с раздражением произнёс милиционер.

– А, стол? – растягивая слова, отвечал Евгений. – Когда нас бить начали, я с испугу-то не разглядел его, сразу бежать. Когда они под столом барахтались, не только синяков себе насажать могли, но и руки поломать.

– Ладно, Михаил, Евгений, заявление писать будете?

– Нет, не будем, стерпим, – ответил Мишка.

Участковый подошёл к рыжему, которого всё ещё слегка придерживали за руки, и тоже спросил:

– Горохов, заявление писать будешь?

– Нет, не буду, я с ними сам разберусь, – заплетающимся голосом ответил рыжий.

– Я тебе разберусь! – прикрикнул участковый. – Я тебя уже завтра на пятнадцать суток могу посадить как зачинщика драки и за нецензурную брань. Я слышал, как ты девушек обзывал, вон Надькина мать плачет, за дочку обидно, она хоть сейчас заявление напишет.

А ты уже пять суток в этом году сидел, значит, по новому закону и срок получить можешь. Так что успокойся, умойся и пойдёшь прописаться, пока я добрый!

– А я напишу, который самоваром бросался, – встряла в разговор умная тётка.

– Он и мне чайником по ноге попал, – подала голос ещё одна пожилая дама.

Участковый открыл «лентяйку», достал два листа бумаги, усадил заявительниц за стол, дал каждой по шариковой ручке и стал диктовать текст заявлений. Потом подошёл к «дружиннику» и попросил его, как свидетеля, написать показания по данному эпизоду.

– И пусть ещё кто-нибудь напишет, как ты, дашь у тебя списать! – и вернулся к заявительницам.

Бабушка жениха нашла самовар и была приятно удивлена. Краник не отломился. Немного деформировалась конфорка, да маленькая вмятина на боку. Налила воды. Не протекает. А вот чайник пострадал – носик и ручка откололись.

Люба подошла к Мишке с Женькой и, как заговорщица, заговорила.

– Бабушка мне рассказала, как Женька их уделал, она всё из кухни видела, жаль, что мало, говорит, надо бы ещё, а то он мне проходу не даёт. Говорит, что после первого удара у него аж что-то хрястнуло, а после второго башка так и дёрнулась, он даже к переборке прилип. Я его боюсь даже. Всё жениться на мне мечтает, а зачем мне такой. Пьёт почти каждый день. Вы-то вот не пьёте, только нас спаиваете.

– А это мы вам подливаем, чтобы вы ласковее были, – вставил Евгений.

– А мы, Женечка, и так ласковые, просто вы нас не знаете. А этот! Что я от него таких же пьяниц нарожать должна? Нет уж, спасибо! Я из-за него даже домой реже ездить стала.

Подошли Вера с Мариной.

– Вы их не бойтесь, они только с виду герои, а так вон – соплю распустили, милицию вызвали. Герои! Ваш Виктор тоже с придурью, начал самоваром с кипятком в людей бросаться.

– А мы и не боимся, – ответил Мишка.

Тоха снова взял в руки гармонь и заиграл «Катюшу». Несколько голосов сразу запели.

– Может, пойдём прогуляемся? – предложил Евгений Вере. – Покажешь мне окрестности, я никогда тут не был.

– Нельзя, все смотрят, мало ли что подумают, – взяв за руку Евгения, сказала Вера. – Пойдём лучше потанцуем.

Минут через двадцать участковый вынес вердикт:

– Виктора забираю в район, остальные могут продолжать, и чтобы больше меня не вызывали!

Все попытки уговорить участкового успехом не увенчались. Он разъяснил, что по этим заявлениям сам он решение принять не может, только начальник. Такое впечатление, что Витьке было всё по барабану, он уселся в коляску «Урала» и задремал, пока участковый выводил соседа, ради которого и приехал.

Стали совещаться, что делать? Пришли к выводу, что Тоха поедет домой, предупредит Кольку и Женькину мать, что они остались гулять на свадьбе, а сами поедут выручать Витьку.

Участковый посадил на заднее сиденье соседа, успевшего прилично выпить, пока тот разбирался с самоваром, приказал держать крепко и предупредил:

– Если свалишься, я не виноват! – видно было, что они хорошо знакомы.

Мишка порекомендовал дать Витьке в руки самовар как вещественное доказательство, но участковый шутки не оценил и разъяснил, что в этом деле вещественных доказательств не требуется.

Мишка с Женькой пытались договориться о чём-нибудь с девушками, но в условиях полной неопределённости ничего не получилось. Немного погуляв, сели на мотоцикл и поехали спасать Витьку, девушки провожали всей гурьбой, сожалели, что уезжают. Благодарили за то забавное разнообразие, которое они внесли в их праздник, приглашали ещё. Тоха тоже вскоре уехал домой, сыграв на прощание несколько мелодий по заявкам.

Несостоявшиеся ухажёры приехали в город и стали искать милицию. Город маленький, все всё друг про друга знают. Спросили у первого встречного, где милиция. Человек подробно объяснил, что это совсем рядом, и они поехали. Приехали в ГАИ, поняли, что не туда. Спросили ещё раз, и им снова объяснили. На этот раз они приехали во вневедомственную охрану. Решили спросить у милиционера, который стоял рядом с милицейской машиной и курил. Этот сначала расспросил, что им надо, и направил в третье место. Подъехали к одноэтажному кирпичному зданию с решётками на окнах и поняли, что сюда. Почти у самого входа стояли новенькие

«Жигули» с надписью «МИЛИЦИЯ» и гербом СССР на передней двери.

Вошли внутрь. Небольшой коридор. Справа за невысокой сплошной перегородкой сидел дежурный офицер, сзади него за столом сидел сержант и перебирал бумажки.

Напротив дежурного на деревянной скамейке сидели двое алкашей. Один из них сразу попросил у Женьки закурить.

– Я тебе сейчас дам закурить! – окрикнул его дежурный.

– Товарищ капитан! – начал Мишка. – Мы приехали за пятьдесят вёрст из деревни. Участковый нашего земляка забрал со свадьбы и увёз, мы его ищем.

– Как фамилия? – спросил дежурный.

Мишка назвал фамилию, дежурный открыл журнал, стал тыкать в него пальцем, найдя запись, спросил: «Кем ему доводиться?» Мишка сказал, что они с Витькой братья.

– И чего вы хотите, братья? – вставая с места, поинтересовался дежурный.

– Ну как чего? – заговорил Евгений. – Узнать, как дела, не нужно ли чего, и домой забрать.

– Мишка, Жека, я здесь! – откуда-то со стороны из левого коридора раздался Витькин голос.

– О! – обрадовался Мишка. – Здесь!

Потом начался долгий разговор, в результате которого дежурный разрешил подойти к «обезьяннику» и поговорить с Витькой. Предупредил, чтобы ничего не передавали. «Обезьянник» представлял собой комнату с одним окном с решёткой из металлических прутьев. От коридора его отделяла также решётка, но уже из арматуры. Дверь с задвижкой и обыкновенным висячим замком тоже сварена из арматуры. Прутья на уровне лица были отполированы руками «узников» до блеска. По бокам, во всю длину помещения, намертво к стене и к полу прикручены скамейки. На потолке горела тусклая лампочка, которая никогда не выключалась, разве что ярким солнечным днём.

Сокамерниками у Витьки были двое пожилых мужчин. Один – тот, которого участковый привёз вместе с Витькой из Лопатина. Оказывается, он по пьянке на гусеничном тракторе проехал по колодцу в соседней деревне. Колодец восстановил. За велосипед, что случайно оказался около колодца, заплатил тридцать пять рублей. А вот председатель колхоза никак успокоиться не может.

– Куда ездил? Почему пьяный? Где бороны потерял? А я что помню, где они отцепились? Одним словом, ни за что арестовали. Участковый говорит «штрафу дадут!»

– Действительно, а где ты бороны-то потерял? – спросил Женька.

– В реке нашли потом, ничего с ними не случилось, – оправдался сиделец.

Не удержался от жалоб и второй сокамерник с большим синяком под левым глазом и ссадиной на лбу, который тоже сидит «ни за что». Поведал, что его побила жена из ревности к её же подруге, с которой у него «шуры-муры». Била кирзовым сапогом, в основном по спине и по голове, ну и «по харе» досталось.

– Хорошо ещё, что ничего другого потяжелее ей под руку не попало, а то бы до полусмерти забила, – радовался местный Ромео. – Я ей тоже пару раз вдарил! Что же получается, меня побили, я и виноват. Ни за что арестовали! В прошлый-то раз, когда она меня застучала, с другой, правда, так она меня так поленом застучала, думал, вообще концы отдам. А ей – ничего!

Витьке вдалбливали в голову, что самоваром он ни в кого не бросал. Просто откинул его в сторону, чтобы плясать и танцевать не мешал. Стой на своём, и больше ничего.

– Понял?

– Понял! – утвердительно ответил Витька и покачал головой, но Мишка с Жекой тоже поняли, что он ничего не понял.

Вернулись к дежурному. Капитан оказался вполне добродушным человеком. Рассказал, что всех завтра поведут к начальнику, а он наложит штраф по десять рублей. Увидев в парнях благодарных слушателей, дал несколько полезных советов. С его слов, начальник сам может наложить штраф, и лучше его заплатить сразу. А вот если он почувствует, что со штрафом будет заморочка, как у вас, то направит материалы в суд, где могут дать до пятнадцати суток или исправительные работы.

– А какие исправительные работы в колхозе? – сам у себя спросил капитан. – Получается, пятнадцать суток или вообще в тюрьму. Так что ищите деньги. Приходите завтра сюда, разговаривайте с начальником или замом, они оба мужики нормальные, понимающие.

– Вот этим точно штраф, – дежурный показал на мужиков, что сидели на скамейке, – вон сержант оформляет. В магазине поскан-

далили, денег на бутылку не хватило, продавщица в долг не дала, скандал закатили. Мало того, бутылку выронили и разбили. Теперь и за бутылку заплатят, и штраф по десятке. Можно сказать, «попьянствовали голубчики!»

Вышли на улицу уже ночью. Стали строить планы на ближайшие сутки.

– У тебя сколько денег? – спросил Женька.

– Два рубля на бензин взял.

– И у меня три, всего пять получается.

– Мало, – резюмировал Мишка.

– Жека, что делать будем?

– Есть по крайней мере три варианта.

– Какие?

– Вернуться к девкам. Уехать домой. Но мимо девок всё равно не проедем, и остаться здесь, – развёл руками Женька.

– К девкам – это хорошо. Только где мы их искать будем? Может, там всё уже закончилось, гулять, считай, с утра начали. Вот если домой, то как бы по пути к ним и заехали!

– Домой опасно. Могут мотоцикл отобрать, да и тебя не пустят, что-нибудь делать заставят.

– Получается, остаёмся здесь?

– Получается, а где ночевать будем?

– Надо подумать. Надо вспомнить какое-нибудь общественное место, кроме милиции.

– Да уж!

– Я придумал, – оживился Женька. – Поехали на пристань, там наверняка дебаркадер стоит.

– А ты знаешь, где она, эта пристань?

– Нет, не знаю, сейчас у капитана спросим.

Зашли в милицию и задали свой вопрос про пристань. Капитан не спросил, зачем нужна им пристань, и подробно объяснил дорогу. Друзья вышли на улицу, завели мотоцикл и поехали. Было прохладно, они были довольны, что надели ветровки. Пристань нашли быстро, но их ждало разочарование. Пристань представляла из себя обыкновенную железобетонную площадку, к которой швартовались корабли. Ни стен, ни крыши над головой, ни скамеек, и холодный ветер с воды. Лишь на берегу стояло строение, напоминающее автобусную остановку.

– Это нам не подходит, – почти голос в голос произнесли друзья, почесали затылки и поплотнее застегнули ветровки.

– Куда теперь? – вслух задумался Евгений.

– Слушай, Жека! – оживился Мишка. – В детстве, когда у нас машины не было, мы сюда из Москвы на поезде приезжали, а дальше до деревни на телеге. Я помню, что вокзал был.

– Ну да, наши деревенские раньше всегда отсюда в Москву ездили, – подтвердил догадку Женька. – А теперь не ездят, вот и дороги через лес нету. И где этот вокзал, я не знаю, раньше я здесь ни разу не был. Хотя вру. В девятом классе мы в поход ходили на родину Салтыкова-Щедрина в Спас-Угол, мимо проходили. А возможно, и ночевали, я уже не помню, но в центр города точно не заходили.

– Спросим. Поехали отсюда.

У первого встречного спросили, как найти вокзал, и без проблем его нашли. Внутри сидели люди, рядом с которыми на полу стояли сумки и чемоданы. Пара человек дремали на скамьях, свернувшись калачиком. Было тепло. Можно и поспать, но что делать с мотоциклом? Посреди улицы оставлять рискованно, сопрут. Подкатили его поближе к окну и решили спать по очереди, как в карауле.

Ночь выдалась бессонной. Лишь под утро немного подремали. В шесть часов у мусоровоза купили на один рубль бензина и стали ждать открытия магазинов. Примерно через час на перекрёсток недалеко от вокзала притащили бочку с молоком, к которой заранее выстроилась очередь. Можно было купить, но не было тары. Время тянулось очень медленно. Покинули вокзал и перебрались поближе к центру. Остановились около магазина, где в витрине была реклама молока, хлеба, фруктов, водки, лимонада, муки, соли, сахара, чая и других продуктов.

К восьми часам у дверей магазина скопилась очередь, в которой стояло человек пятнадцать, в основном пожилые женщины. Они никак не могли разобраться, кто за кем и в какой отдел. Мишка в очередной раз подошёл к очереди и повторил.

– Девушки, мы тут с вами толкаться не будем, но мы первые в отдел, где молоко и хлеб.

– А это разные отделы, – заявила дама с крашеными губами и бровями, стоящая почти в самом конце очереди, сделав при этом очень важный вид.

– Значит, мы встанем в разные отделы.

Когда открылись двери, народ стал ломиться, как будто век не евши. Женька подошёл ко входу, свободно открыл вторую половину дверей и спокойно вошёл. Около отделов уже стояло по два-три человека, но оспаривать, что молодые люди первые, никто не стал.

Купили три пакета молока, два батона хлеба и четыре сырка. В чём покупки нести, заранее не подумали. Решили сразу пакеты опустошить. Зашли в скверик рядом с магазином, сели на скамейку. Разломали пополам батон, зубами открыли два пакета молока и принялись завтракать. Настроение сразу улучшилось. Перекусив, поехали в милицию кормить Витьку. Старый дежурный был ещё на месте и передавал смену. Он разрешил подойти к «обезьяннику» и передать через решётку хлеб с молоком. Сокамерники стали у него просить тоже что-нибудь пожрать. Тот отдал им по одному сырку и отломил по кусочку хлеба. Все принялись молча жевать.

Дежурный сказал, что участковый придёт часов в десять, надо ждать. Двое алкашей, что вчера сидели перед дежуркой, теперь лежали в конце коридора на узенькой скамейке и похрапывали.

Участковый появился около десяти часов. Поздоровался, как со старыми знакомыми, и рассказал примерный порядок дальнейших действий. Он сообщил, что начальник участковых с материалами начинает принимать в двенадцать часов. Так что часам к двум можно подходить. Предположил, что Витька, скорее всего, отделается штрафом.

– Никого не зашиб, материального ущерба не зафиксировано. Матом поругался. На сутки не тянет, попробуем штрафом отделаться за нарушение общественного спокойствия.

– А сколько? А то у нас денег мало, – поинтересовался Мишка.

– Червонец, меньше не будет, так что думайте.

Когда участковый ушёл, стали думать, где взять деньги. Мишка предложил продать свои часы, с его слов, они стоят сороковник, не меньше. Обсудили ещё несколько вариантов, но решили ничего не предпринимать, вдруг штраф меньше будет или вообще предупреждением отделается. Лучше поехать на вокзал и поспать, а когда решение будет принято, тогда и думать.

Подъехали к вокзалу, поставили под окно мотоцикл, Мишка снял провод с аккумулятора, и они вошли внутрь. Народу было человек пять, и свободных мест хватало. Сели, прижались спиной к стенке и

пытались задремать. Сколько прошло времени, неизвестно, только вдруг Мишка вскочил и со словами: «Жека, мотоцикл угоняют!» – ринулся на улицу.

Двое пацанов лет по пятнадцать катили мотоцикл и удалились от вокзала на добрый десяток метров. Увидев погоню, бросили мотоцикл и что есть мочи понеслись в сторону домов. Мотоцикл прокатился по инерции ещё несколько метров и упал на бок. Мишка не стал их преследовать, а быстро поднял технику. Выскочил и Женька, хотел броситься за воришками, но, поняв бессмысленность погони, передумал. Стали осматривать мотоцикл. Благодаря тому, что мотоцикл докатился до газона и упал на землю, а не на асфальт, ничего не повредилось, только земля в руль набилась.

– Вот сволочи! – возмущался Мишка. – Ничего без присмотра оставить нельзя, сразу тащат. Хорошо, я аккумулятор отключил. А то бы могли завести и удрать. Сволочи! Не зря менты свою машину у самых дверей ставят.

Ничего не оставалось делать, как ехать в милицию и там ждать решение. Застали в дежурке участкового. Тот обрадовался, что пришли, и позвал в кабинет. Предложил обоим написать объяснения, как свидетелям, о том, что Виктор хотел занести самовар в дом, но обжёгся и бросил его куда попало, а потом ещё раз отбросил вообще в сторону. Про чайник посоветовал умолчать.

Мишка рассказал про попытку угона. На что участковый только посмеялся. Рассказал, что крадут редко. Чаще пацаны соревнуются, кто сумеет угнать и покатается, пока бензин не кончится. Потом просто бросают.

– У нас город маленький, много не погоняешь. Соседи видят, что мотоцикл ни с того ни с сего появился, да и ГАИ всех подростков тормозят, так что считайте, вам повезло. Они видят, что номера не областные, вот и попробовали.

Прочитав объяснения, старший лейтенант остался доволен. Скрепил все бумажки, разложив только ему понятным образом, посмотрел на часы и засобиравшись к начальнику в другое крыло здания. Усадил друзей в коридоре и рекомендовал ждать. Минут через десять помощник дежурного вывел из «обезьянника» Витьку и повёл в кабинет начальника. Наступили томительные минуты ожидания. Минут через двадцать Витьку снова завели в кутузку. Чуть спустя вышел участковый и позвал свидетелей.

– Начальник хочет с вами поговорить. Говорите, как мы условились, если что.

Начальник оказался пожилым майором, с очками и большой лысиной, с виду очень добрый. Поздоровавшись, начал разговаривать о том о сём, про них самих и про Витьку. Поговорив, задал вопрос, хорошо ли они знают Витьку. Друзья ответили, что знают с детства.

– А он раньше не привлекался? – заглядывая в бумаги, спросил майор.

– Точно знаем, что не привлекался, – ответил Евгений.

– А с головой у него всё в порядке? – задал прямой вопрос начальник милиции. – А то он мне про знакомых инопланетян, про кроликов на свадьбе начал рассказывать. Я у него спрашиваю, зачем он самовар в людей бросал, а он утверждает, что людей там не было, были одни кролики. Раньше за ним такое водилось?

Михаил пояснил, что в деревне последние годы они бывают наездами и про кроликов ничего не знают. А то, что он «с придурью», было всегда, но вреда никому не причинял.

– А ещё он признался, что у него есть говорящая лошадь, но беда в том, что он её понимает, а она его нет, – с улыбкой поделился Витькиным секретом майор. – Спросил, на каком языке с лошадьми надо разговаривать, и просил об этом его секрете никому не говорить, а то лошадь отберут. Бригадир-то хороший, а вот председатель – говно! Я пообещал молчать!

Поговорили ещё про события на свадьбе. Ребята убеждали, что самовар стоял на подоконнике и сам упал. До драки дело не дошло, быстро всех разняли. Участковый сидел и молча качал головой в знак согласия. А то, что самовар был горячий, Мишка подтвердил, показав ожог на пальце, и пожаловался, что немного мешает управлять мотоциклом.

– Ну, вот что, молодые люди, – стал подводить итоги майор, – выписываю ему штраф десять рублей, и заплатить надо сегодня до пяти часов. Сами понимаете – чужаки. Отпустить не могу, чтобы потом его разыскивать по чужим краям, у меня своих алкашей хватает. Похорошему, его бы надо в психушку отправить, опять же, с чужаком возиться нет никакого желания. Направлять материалы в суд тоже не хочется. Дадут пять-десять суток, и снова ко мне, а мне, как я уже сказал, он не нужен. Я вижу, вы парни разумные, поэтому разговариваю

с вами откровенно. Берите квитанцию, платите штраф и забирайте его, пока за ним инопланетяне не прилетели, а пока посидит!

Вышли в коридор и подошли к Витьке. Сказали, чтобы сидел спокойно и ждал, когда они его заберут. Тот согласился и сказал, чтобы забирали поскорее. Подошёл участковый, отозвал в сторону, вручил квитанцию, рассказал, где дежурная сберкасса, и высказал предположение, что крыша у Витьки действительно едет. Участковому объяснили, что денег нет и решение проблемы займёт не меньше часа, не считая очереди в сберкассе. Участковый сказал, что надо успеть до пяти часов. Если его не найдут, то пусть отдадут квиток дежурному.

Снова встал вопрос о деньгах. Ничего лучшего не придумали, как вернуться в Лопатино и попросить денег займа или под залог Мишкиных часов. Недолго рассуждая, сели на мотоцикл и поехали.

Дорога подсохла, ехали быстро. По дороге разговаривали о девушках, инопланетянах, самоваре. Дома оказалась только бабушка жениха. Встретила вполне добродушно. Рассказали о своих проблемах и попросили денег займа под залог часов – восемь или десять рублей. Бабушка рассудила по-своему.

– Вы ребята хорошие. Я вам дам десять рублей без всякого залога. Советь есть – вернёте, а нет – Бог вам судья!

Мишка всё-таки пытался оставить часы, убеждая, что они дорогие, а они действительно были дорогие, но бабушка наотрез отказалась. Рассказала, что их невесты уехали в город догуливать свадьбу. Адрес, где это будет происходить, она не знает, а то бы сказала.

Дорога в город была уже знакома. Доехали быстро. Сразу в сберкассе, о которой рассказал участковый. В очереди стояли шесть человек. Посчитали, если на каждого пять минут, то за полчаса успеют. Так и получилось, минут через сорок с квитанцией в руках друзья направились в милицию.

Участкового на месте не было. Отдали квитанцию дежурному и попросили отпустить Витьку. Дежурный сказал, что команды не было и надо разрешение начальника. К начальнику дежурный не торопился, был увлечён написанием бумаг. Решили зайти сами. Начальник, не вдаваясь в детали, спросил:

– Оплатили?

– Оплатили!

– Забирайте, и чтобы его я здесь больше не видел, – нажав на кнопку в телефоне, произнёс начальник.

Примерно через две минуты двери «обезьянника» открылись, и Витька вышел в коридор. Из двух бывших сокамерников остался только местный Дон Жуан с синяком под глазом, но зато появились двое новых. Один по пояс голый и с наколками, а второй – вполне прилично одетый, но с поцарапанным лицом. Мишка, подталкивая перед собой Витьку, вышел на улицу, а Женька задержался и поинтересовался у дежурного об участковом. Тот сказал, что участковый недавно был, но куда-то ушёл, возможно, скоро будет. Евгений попросил передать участковому «спасибо» и тоже вышел на улицу.

– Ну вот и погуляли, – с улыбкой произнёс Мишка, усаживаясь на мотоцикл.

Витьку посадили посередине, Женька сел сзади. Места всем хватило, но вот поставить ноги заднему не на что.

Пришлось Женьке ставить ноги на выхлопную трубу, так и поехали. Через некоторое время ногам стало жарко и запахло горелой резиной. Остановились передохнуть и остудить ноги. Потом Женька поставил ноги на подножки, а Витька на его ноги, и поехали дальше. В Лопатине остановились, но заходить в гости не решились, знали, что девок там нет. Стали уговаривать Витьку идти напрямик через лес пешком, а Мишка обещал его встретить с той стороны. Витька поупирался, но согласился, и все двинулись дальше, каждый своей дорогой.

Дорога совсем высохла, доехали быстро. Мишка собирался перекусить и ехать встречать Витьку, но только до леса, «через лес пусть сам идёт». Витька не потерялся и был доставлен домой. Мишка поставил мотоцикл и пришёл к Женьке обсудить дальнейшие действия. Сели на скамейку под берёзой.

– Я думаю, деньги завтра после работы отвезём, если дождя не будет, – рассудил Михаил. – Может, и девки на месте будут. Чайку попьём из настоящего самовара!

– Нет, Мишка, девок не будет, бабка же сказала, что они на день рождения останутся, то ли у Верки, то ли у Маринки, я не понял, – успокоил Мишку Женька.

– Ну а что сегодня, поедем? – спросил Мишка.

– Я даже не знаю, мамка ругается, говорит, ночь не спала, проснулась под утро, и всё, – сетовал Женька. – Да и Зойка не сегодня-завтра уехать собиралась, а может, и уехала?

– Вот и надо проверить, уехала или нет? – настаивал товарищ.

– А если муж у неё ночует, мы же не договорились, – сомневался Женька. – Но съездить можно, подождём, как прошлые разы, придут – хорошо, а не придут – не судьба значит.

– Ночует, не ночует? – перебил Мишка. – Никогда не ночевал, а теперь ночует? Поехали!

*Я к Зойке сегодня еду,
Колёса уже накачал.
Сарай со скрипучей дверью
Опять будет нам причал!
Придёт, когда всё умолкнет,
Лишь птичий в лесу трезвон.
Тихонечко дверью хлопнет,
Ничей не нарушив сон.
В тревоге забьётся сердце,
Душа, как змея, замрёт.
Мелькнёт силуэт в проулке,
И Зойка ко мне придёт!*

– Ну всё, договорились, как всегда, в десять! – произнёс Мишка и загадочно улыбнулся: – А вчера как хорошо всё начиналось! Вера! Надежда! Любовь!

– И... мать... их!

ВАСИЛИЙ ПОЛЯКОВ

Слава летит

Шло время, и Давид справлялся со своими обязанностями всё лучше и лучше. В многочисленных походах против филистимлян, предпринятых по указанию Саула, Давид одерживал одну победу за другой. И вот уже слава покатилась впереди героя. После военных походов и одержанных побед израильские города стали устраивать своему легендарному полководцу восторженные встречи. Женщины рукоплескали ему, закидывали цветами, пели и плясали для него, играли на тамбуринах. В честь Давида даже сложили песенку, которая быстро распространилась по всем израильским городам и, конечно же, вскоре дошла и до крепости Гизы – места пребывания царя. В песенке были такие слова:

*Знаменитый царь Саул
Чуть Израиль не продул
«Народу с моря», римлянам, –
Нахальным филистимлянам.*

Поляков Василий Евгеньевич родился в Москве 4 июля 1938 г. Доктор медицинских наук, профессор, врач высшей категории, Почётный донор СССР. Академик Международной академии информатизации ООН и Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Автор свыше 700 печатных научных работ, в том числе 15 монографий, 2 авторских свидетельств, 1 товарного знака, 9 рационализаторских предложений. Издал 8 книг художественной прозы и стихов.

*Но простой пастух Давид,
Лавровым венком увит,
Победил такого «шкафа»,
Камнем вдарив Голиафа.
И теперь пастух простой –
Воин доблестный, герой.
И Давид нам люб и мил –
Столько он врагов разбил!*

О, как задели Саула слова этой песенки! Они были откровенно оскорбительны и ставили военные заслуги Давида выше всего того, что он, царь, сделал для израильского народа за долгие годы борьбы с врагами. Обида была жестокой и незаслуженной.

Несколько дней и ночей царя терзало подозрение, что, вероятно, вдохновителем площадной песенки был сам Верховный жрец Самуил, а ещё, быть может, он действовал в сговоре с Давидом. Царь почувствовал, что народ всё больше отворачивается от него, своего повелителя и защитника. И это тот самый израильский народ, который ещё совсем недавно выражал своё восхищение ему! Уму не постижимая трансформация...

Чьи же эти козни, если не Верховного жреца? Саул ведь своими ушами слышал, как Самуил открыто заявил ему, что лишит его престола.

Горечь несправедливой обиды, тоска и злость, бессонница довели царя до такого нервного истощения, что он моментами терял рассудок. Боясь разгневать Саула, близкие шептались по углам: «Не зря самоедствует царь. Это на Саула напал злой дух от бога. Вот он и беснуется в доме своём».

Помня, как оттаяла душа Саула при появлении во дворце Давида, снова послали за пастухом. Юношу привели и провели в царские покои. Давид начал играть на арфе. Саул сидел, не шевелясь, и смотрел сквозь музыканта невидящим взглядом в одну точку. Вдруг царь очнулся, в его глазах зажглась ненависть. В одну секунду он схватил копьё и метнул в Давида. Давид увернулся, копьё вонзилось в деревянную стену покоев и задрожало, издав смертоносный металлический звук.

Саул опомнился. Боже! Он чуть не убил собственной рукой популярного в народе героя. Последствия могли быть роковыми и непоправимыми.

Желая задобрить Давида, Саул сказал, что Давид умный и храбрый воин, и поэтому он назначает его командиром отряда из тысячи человек и повелевает ему вновь выступить на войну с филистимлянами, постоянно угрожающими израильтянам разгромить их государство, захватить земли, уничтожить или поработить израильский народ.

Давид и на этот раз блестяще справился с поставленной задачей. Юный военачальник одерживал над филистимлянами одну победу за другой. Популярность Давида в народе росла. Он стал прославленным и любимым героем, которого готова была чествовать вся страна.

Это ещё больше разжигало ревность царя Саула. Он не решался выступить против Давида в открытую. Народ бы не понял и не поддержал. И тогда Саул до мелочей продумал злодейский план, как устранить опасного военачальника-героя.

Он велел передать Давиду, что отдаст ему в жёны свою старшую дочь Мерову, если Давид доставит ему крайнюю плоть ста убитых филистимлян. Саул втайне надеялся, что Давид не сумеет выполнить его приказание. Задание Саула было столь опасным, а вероятность гибели Давида столь очевидной, что, не рискуя почти ничем и никем, царь обретал реальную возможность избавиться от своего потенциального политического соперника.

Давид сразу разгадал коварный план Саула и велел известить царя, что он, сын простого землепашца, пастух и грубый воин, пропахший сельским духом, потом и кровью, считает себя недостойным оказаться зятем самого царя израильского.

Саул лишний раз убедился, как умён и не прост его лучший военачальник. Он велел передать Давиду, что и он, царь Израиля, до помазания на царство тоже был сыном простого землепашца, занимался сельским трудом, а потом стал царём и успешным воином. «Своим происхождением, запахами и ратными делами мы не отличаемся друг от друга, – передавал гонец слова царя. – Если это понимает царь, поймёт и его дочь Мерова. А посему повелеваю тебе, Давид, выполнить мой приказ. Если ты выполнишь поставленную задачу, я, царь твой и всего Израиля, от высказанного мною публичного слова не отступлюсь».

Пришлось Давиду выполнять царский приказ. Он отправился в путь с очень небольшим отрядом из самых преданных и доблестных воинов. Несмотря на невероятные трудности и риск погибнуть, через некоторое время отряд вернулся, и Давид принёс во дворец

царю мешочек с обрезанной крайней плотью не сотни, а двухсот убитых филистимлян. План Саула сорвался. Царь был разочарован и обескуражен. Тогда он решил, по крайней мере, унижить Давида. Вопреки обещанию царь отдал в жёны Давиду не старшую дочь, Мерову, а младшую – Мелхолу. Давид злился за обман. Дело в том, что брак со старшей дочерью сулил больше надежд на престол. Саул же подозревал, что Давид состоит в сговоре с Верховным жрецом Самуилом, и в присутствии членов своей семьи грозился убить зятя. Ликовала одна Мелхола. Она давно полюбила юного полководца, и вот теперь так неожиданно для неё самой её тайная мечта исполнилась. Её восторженная любовь и ласки покорили Давида. Он понял, что ему досталось не только прелестное юное создание, но и преданный друг, готовый быть верной рабой своему прославленному повелителю. Меж тем дворцовые интриги достигли своего апогея. Став зятем царя, Давид превратился в опасного претендента на престол. Поскольку Давид не погиб на поле брани, царю нужно было придумать очередной план, как устранить, попросту незаметно убить его. И вот в этой ситуации истинным другом Давида проявил себя сын царя Ионафан. Рискуя навлечь на себя гнев отца, Ионафан прямо предупредил Давида о грозящей ему опасности и уговорил своего друга на время скрыться в горах. Сам же Ионафан отправился во дворец к отцу. Беседа была долгой и трудной. Сын уверял отца, что Давид очень достойный воин и друг, проявивший верность, честь и мужество ещё в поединке с Голиафом. Во всех военных сражениях он показал себя героем и всегда одерживал победы – значит, такова воля Яхве. Он исполнял все приказы царя, даже когда они были трудны, и их исполнение было связано с большим риском для жизни. Он чудом уцелел от царского несправедного гнева, но не опозорил себя участием ни в каких заговорах против царя. Даже унижение, когда вместо старшей дочери Давиду отдали в жёны младшую, он пережил с невозмутимым достоинством, не уронив чести царской семьи.

– Отец и повелитель, какие ещё тебе нужны доказательства преданности Давида? – обратился к Саулу Ионафан.

После таких страстных слов сына Саул смилостивился и, узнав, что Давид временно укрылся от несправедного гнева царя, разрешил ему вернуться и продолжить военную службу. Однако примирение длилось недолго. Войны с филистимлянами продолжались, и Давид во главе войска израильтян одерживал всё новые и новые громкие

победы. Саул не смог преодолеть самого себя. Его страх и зависть продолжали расти. В приступе необузданного гнева он вторично метнул копье в своего соперника и снова промахнулся. На этот раз Давид понял, что пока не поздно, нужно самому спасти свою жизнь. Как только стемнело, Давид тайно покинул царский дворец и убежал в свой дом. Не найдя Давида во дворце, Саул послал к нему своих стражников, чтобы они тайно и тихо прикончили политического соперника. Давида спасла жена. Услышав шум перед домом, Мелхола метнула взгляд на окно, выходившее в сад. Давид разбежался и спрыгнул. Мелхола схватила стоявшую на полу длинную вазу, накинула на неё одежду Давида, плотно закутала одеялом и уложила вазу в постель. Когда вошли солдаты царской стражи и их начальник громко рывкнул, где Давид, Мелхола попросила говорить тихо, потому что Давид тяжело заболел и не может подняться. Не зная, как поступать дальше в доме дочери царя, стражники вернулись к Саулу. Но Саул с гневом приказал: «Тогда принесите его ко мне на постели, чтобы тайно убить его во дворце!» Стражники вернулись в дом к Мелхоло, и обман раскрылся. Её арестовали и повели к отцу. Она ранее никогда не видела царя, своего отца, в такой злобе и гнев. Но какой отец не любит своих дочерей? Когда Мелхола расплакалась и рассказала отцу, что муж грозился убить её, если она не поможет ему бежать, Саул приутих, обнял дочь и начал её утешать. Между тем Давид пробрался в город Рамафаим к Верховному жрецу Самуилу и честно рассказал о злоключениях и передрыгах, в которые он попал. Вдруг Самуилу принесли известие, что в город скоро придут царские солдаты с приказом поймать беглеца. Тогда навстречу солдатам вышел сам Верховный жрец Самуил с пророками. Они начали плясать, петь и выкрикивать религиозные восклицания, постепенно приводя себя в состояние высшего религиозного экстаза. Суеверные солдаты сначала смотрели на жрецов с испугом, а потом постепенно и сами включились в пляску пророков, которая длилась бесконечно долго и заканчивалась уже в бешеном ритме. Пока пророки вовлекали в пляску солдат, Давид успел надёжно спрятаться. Солдаты вернулись к царю ни с чем. Саул ещё дважды посылал за Давидом солдат, но воины всякий раз поддавались танцевальному экстазу пророков. Так они и не выполнили царский приказ. Тогда для поимки неуловимого соперника в Рамафаим решил отправиться сам царь Саул. Стоило ему появиться в городе, как его встретили те же жрецы, которые

выбежали к нему с барабанным боем, стали петь, плясать, закручивать хороводы и делать танцевальный ритм всё быстрее и быстрее. Сначала Саул смотрел на развернувшееся перед ним представление с досадой и пренебрежением, затем равнодушно, но постепенно в нём тоже стал просыпаться религиозный восторг юности. Увлечённый под руки жрецами, царь включился в общий хоровод. Наконец, кружась, бормоча что-то с пеной у рта, Саул стал срывать с себя одежды, остался совершенно нагой, начал стремительно кружиться и вдруг, потеряв сознание, рухнул на землю. Он пролежал в глубоком обмороке обнажённым весь день. Когда царь очнулся и немного пришёл в себя, Давида уже в городе не было. Беглец вернулся в Гиву и тайно встретился с Ионафаном.

– Друг мой, – обращался Давид к Ионафану, – что я такое сделал, чем навлёт немилость твоего отца? В чём моя неправда и моё преступление, что царь ищет душу мою?

Ионафан как мог утешал Давида, заверяя, что поможет ему и своевременно предупредит об опасности, поскольку отец всегда делится с ним своими планами. На это Давид отвечал: «Твой отец хорошо знает, что я нашёл благоволение в твоих очах, и потому успокаивает свою совесть, произнося самому себе: “Пусть не знает о том Ионафан, чтобы не огорчился”».

Ситуация усугублялась ещё тем, что на следующий день был назначен пир, который в начале каждого нового месяца Саул устраивал для своих ближайших соратников и помощников. Одновременно это было высшее государственное совещание, на котором были обязаны присутствовать все приглашённые. Пропустить такое заседание без уважительной причины было проступком. Для Давида это было бы демонстрацией окончательного разрыва с Саулом, а полководец ещё питал хотя бы маленькую надежду не сжигать мосты и окончательно помириться с Саулом. Однако, зная неуравновешенный характер царя, Давид боялся появиться на пиру. Давид обратился к Ионафану и попросил его передать отцу, что он вынужден отсутствовать на пиру царя потому, что ему пришлось отправиться на семейное торжество в Вифлеем. Друзья условились, что в действительности Давид спрячется в горах, близ крепости Гивы, и будет ждать известия о том, как Саул воспримет его отсутствие. Если царь сохранит спокойствие, это будет хорошим знаком. Если же при виде пустого места Давида его охватит необузданная ярость, значит, на примирение надежды нет.

Ионафан выполнил просьбу своего друга. Но Саул гневно ответил:

– Негодный и непокорный сын! Разве я не знаю, что на срам себе и на срам матери твоей ты подружился с сыном Иессеевым? Во все дни, доколе сын Иессеев будет жить на земле, не устоишь ни ты, ни царство твоё. Теперь же пошли стражу и приведи его ко мне силой, ибо он обречён на смерть.

Предостережения Саула, что сын лишится престола, если будет помогать Давиду, не повлияли на бескорыстного и благородного Ионафана.

– За что нужно убить Давида, в чём его вина? – с горечью и запальной страстью спросил Ионафан Саула.

Взбешённый царь схватил копьё и метнул его в сына. К счастью, царь промахнулся. Это бог Яхве отвёл беду. Потрясённый и возмущённый сын встал из-за стола и, не вымолвив ни единого слова, ушёл в свои дворцовые покои. Весь следующий день он от волнения не притронулся к пище. Когда сгустились сумерки, Ионафан направился на тайное свидание с другом. Он рассказал Давиду всё происшедшее и предупредил его больше никогда не попадаться на глаза царю. Пришло время прощаться. Давид трижды поклонился другу, а Ионафан крепко обнял его и расцеловал. Расставаясь, оба клялись друг другу в вечной дружбе. Чистые крупные слёзы лились из глаз одного и другого.

– Иди с миром, – печально проговорил Ионафан. – Господь да будет между мною и между тобою и между семенем моим и семенем твоим. Да будет то навеки.

После этих слов Давид повернулся и зашагал в Номву, к известному жрецу Ахимелеху. Если говорить правду, то Ахимелех был не очень храбрым человеком. Зная это, Давид рассказал жрецу, что прибыл к нему, исполняя секретное поручение царя Саула. Ахимелех сразу сообразил, что знаменитый военачальник, к тому же зять царя, исполняя какое-то очень важное поручение, проделал значительный путь и, конечно, устал и проголодался. Не каждый день в дом прибывают гости такого ранга. Конечно, их следует принимать с максимальным радушием. А тут, как назло, под рукой не оказалось никакой еды. Что было делать? И тогда Ахимелех решился накормить Давида священным хлебом, предназначенным для жертвоприношений. Поблагодарив бога за ниспосланный хлеб насущный и Ахимелеха за гостеприимство, Давид перед сном решился пройтись по городу. От случайно встреченных людей из Гивы он узнал, что царь Саул тоже

покинул город-крепость и по слухам сам отправился в погоню за Давидом. Нужно было немедленно уйти из Номвы, но впереди были лишь земли, занятые филистимлянами.

«Будь что будет», – подумал Давид и направился в филистимский город Геф, где царём был Анхус. Он ещё слегка надеялся, что в этом городе его не узнают. Однако как только он оказался в городе филистимлян, прохожие сразу уразумели, что по их улицам шествует победитель их героя – гиганта Голиафа. Для того, чтобы избежать мести филистимлян, Давид решил прикинуться умалишённым. Даже в те далёкие и жестокие времена потерявших разум считали столь глубоко по жизни наказанными, что на них распространялась привилегия неприкосновенности. Их не дразнили, не били, не арестовывали, оделяли подаванием хлеба и денег и терпеливо выслушивали, что бы они ни говорили. Давид бродил по Гефу, невнятно бормоча какие-то слова, рисуя на воротах домов магические знаки. Из рта Давида беспрерывно текла слюна, густо смачивая дорожную пыль. За его спиной постепенно росла толпа горожан, обуреваемых одновременно и любопытством, и суеверным ужасом. Долгое время горожане пристально наблюдали за каждым его движением, но боялись даже до одежды дотронуться. Но вот проклятие в его адрес выкрикнул один, потом другой, третий. И вот уже, подогреваемая страхом и злобой, толпа накинулась на него, повалила на землю, связала, вызвала стражу, арестовала и повела к своему царю. Царь филистимского города Гефа, некто Анхус, посмотрел на умалишённого с отвращением, но не отнёсся к больному человеку как к врагу. Привилегия неприкосновенности лишённого ума человека защитила Давида от расправы и в присутствии царя. Анхус поразмыслил и велел отпустить больного на все четыре стороны. И Давид бежал после этого из города Гефа и нашёл себе подходящее и безопасное пристанище лишь в недоступной горной пещере близ города Адоллама, расположенного в юго-западном направлении, всего в 25 километрах от Иерусалима. Зная, что и жена, и вся семья его попала в немилость к Саулу, и опасаясь несправедного и непредсказуемого гнева царя, Давид через совершенно незнакомых ему людей подал семье тайный знак о своём местонахождении.

Терзавшаяся страхом, разлукой и неразделённой любовью Мелхла пришла в восторг, что скоро снова увидит любимого. Она быстро собрала скромный узелок самых необходимых пожитков и без колебаний вместе со служанкой покинула дом. Хорошие люди тайком, неза-

метно провели их к пещере. Сколько же было при встрече радостных слёз и объятий! Поскольку израильский народ гордился Давидом, доверял ему и испытывал к прославленному воину, несправедливо преследуемому царём, особую симпатию, люди шёпотком передавали друг другу новости, связанные с драматически развивавшимися событиями. В народе поползли слухи и о пещере, и о Давиде, и о его несчастной жене. И вот, к Давиду потянулся народ со всех концов страны. Среди тайком пробравшихся к нему оказались самые разные люди. Были среди них откровенные романтики, искатели приключений. Были беглецы, находящиеся на свободе вне закона. Приходили бедняки, преследуемые царской властью за неуплату податей и долгов. Но особенно много было из молодых, мечтавших о воинской доблести и славе, добываемой ратным трудом. Мудрый и опытный военачальник, Давид сумел сплотить всю эту пёструю неорганизованную толпу в отряд со строгой военной дисциплиной. Он проводил среди воинов состязания на ловкость, силу и сообразительность, умение маскироваться и скрытно передвигаться на большие расстояния. Он научил отряд владеть оружием, умениям неожиданно наступать, обороняться, вести разведку, передавать информацию зажжёнными факелами, барабанным боем, криками птиц, спать на камнях и на деревьях, бесшумно передвигаться и подкрадываться к врагу с самой неожиданной стороны. Отряд из шестисот физически мощных, преданных ему душой и телом, хорошо обученных воинов-головорезов стал совершать непредсказуемые по своей дерзости вылазки за продовольствием, начал громить мелкие военные отряды царя. За щедрую дань Давид со своим отрядом продолжал защищать израильтян от филистимлян. Настоящая разбойничья шайка, неподвластная закону и действовавшая по всей территории государства, довела Саула до бешенства. Были подняты все имевшиеся в наличии вооружённые силы Израиля. Перекрывались дороги, прочёсывались леса, долины, лощины, горы. Давид с его отрядом всё равно оказывался неуловимым, хотя и почувствовал, что почва уже горит у него под ногами. С большими предосторожностями Давид вместе со своим отрядом пробрался к моавитскому царю и за большую дань уговорил того разрешить оставить и приютить свою семью. Прощание было коротким и очень горьким. Мелхолье казалось, что она навсегда останется на чужбине и больше никогда не увидит своего любимого Давида. После укрытия семьи военачальника отряд ещё долго до-

бирался до земли племени Иуды, на территории которой раскинулся густой труднопроходимый лес Херет. В этом месте было легче скрываться и перемещаться от наступавших буквально на пятки военных отрядов царя Саула. Царь уже не сомневался, что в сговоре с Давидом находятся жрецы, прокладывающие ему путь к престолу. Кроме того, наёмник по имени Доик не так давно донёс царю о пребывании Давида в Номве у жреца Ахимелеха. Каким-то образом в подробностях узнали даже, как Ахимелех угощал Давида хлебом, предназначенным для жертвоприношений богу Яхве. Это было прямым святотатством! И даже неожиданный уход Давида из города был преподнесён Саулу как прямая помощь в побеге со стороны жреца Ахимилеха.

Саул немедленно двинул свои войска на город Номву, захватил его и арестовал Ахимелеха и других жрецов, обвинив их в государственной измене. При личном допросе, учинённом самим царём, Ахимелех оправдывался и заверял Саула, что Давид получил от него помощь благодаря обману. Царь остался глух к его оправданиям и отдал приказ воинам умертвить жреца за государственную измену. Старика Ахимелеха связанным вытащили на площадь и установили рядом с жертвенником богу Яхве. А когда последовала команда исполнить казнь, Саул впервые столкнулся с неповиновением. Воины его личной гвардии – все как один – отказались выполнить приказ. Казнить жреца, наместника бога на земле, в ту пору было неслыханным святотатством и огромным грехом. Никто из воинов при всей обязательности исполнения приказаний царя не взял на душу грех перед богом. Саул оказался в очень затруднительном положении. Царя выручил доносчик Доик. Желая снискать особое к себе благоволение царя, он привёл к нему своих головорезов-наёмников и выразил готовность послужить. Взбешённый Саул приказал убить Ахимелеха и других жрецов города и вырезать всё население Номвы, не пощадив ни женщин, ни детей, а город сжечь. Приказание было выполнено в точности. Кровавая резня продолжалась весь день и всю ночь. Из всех жителей города чудом уцелел лишь жрец Авиафар, сын Ахимелеха. Во время резни он удачно спрятался, а под покровом темноты бежал из горящего города. В дальнейшем люди подсказали ему, где скрывается Давид со своим отрядом. Авиафар отыскал Давида, пришёл к нему и стал его ближайшим помощником.

Как только закончились рассказанные нами события, пронёсся слух, что на земли израильтян снова покушаются филистимляне, и

что они уже осаждают город Кеиль. Не задумываясь, Давид бросился туда со своим отрядом на выручку. Город-то Давид отстоял и жителей защитил, но горожане вместо благодарности предали его. Подогреваемые царской пропагандой, что на территории Израиля действует банда разбойников, которую возглавляет не кто-нибудь, а зять царя, и что о его пребывании следует немедленно донести властям, жители Кеиля сообщили Саулу, что Давид в настоящее время находится у них в городе, и что они готовы выдать его, если царь и его войска придут без промедления. Сами-то предатели арестовать Давида побоялись – уж больно ловок, силен и непредсказуем предводитель отряда, спасший их город и их жизни от филистимлян. Воистину вспомнишь народную мудрость: «Не твори добра – не будет зла...» К счастью, Давид своевременно узнал о заговоре против него и предательстве и успел бежать из города вместе со жрецом Авиафаром.

Этот случай послужил Давиду хорошим уроком. С этого момента он со своими соратниками выбирал в качестве убежища лишь горные и пустынные районы, где было легко прятаться от погони. Одним из таких мест оказалась горная пустыня Зиф. И вот, когда Давид со своим отрядом прятался там, к нему с большими предосторожностями, тайно прибыл Ионафан, сын царя Саула. Он снова заверил Давида в своей вечной дружбе и предупредил о настойчивых замыслах царя выследить и уничтожить отряд, а попавших в плен подвергнуть самой мучительной казни. Как только Ионафан покинул отряд Давида, вокруг его местоположения появились царские войска. Оказалось, что и жители Зефа были подогреты царской пропагандой. Они и донесли Саулу, где находится Давид. Единственная гора, на которой был сосредоточен отряд Давида, была полностью окружена. Превосходство в военной силе в пользу царских войск было столь подавляющим, что судьба отряда Давида казалась предрешённой. И в этот момент в войска Саула прибыла грозная весть, что филистимляне удачно выбрали момент и вновь вторглись на территорию Израиля. Пришлось Саулу срочно снять осаду и направить свои войска навстречу филистимлянам. Очень скоро израильтяне под командованием Саула успешно отразили нападение филистимлян. Без промедления Саул возглавил отряд в три тысячи воинов и вновь возобновил погоню за отрядом Давида. Во время погони как-то вечером Саул зашёл в пещеру справить нужду. В тёмном углу этой же пещеры, как оказалось, прятался Давид с несколькими воинами

своего отряда. Воспользовавшись деликатной ситуацией, Давид мог бы коварно убить Саула. Но по существовавшим в ту пору обычаям он бы запятнал себя кровью помазанника божьего. Отказаться же от издевательского жеста в адрес Саула Давид не мог. Он тихо-тихо подкрался и отрезал у Саула край плаща. Потом, когда царь со своим отрядом двинулся в дальнейший путь, Давид взобрался на вершину скалы, развернул кусок материи отрезанного края плаща Саула и начал вопрошать оттуда громко и ехидно:

– Против кого вышел царь израильский? За кем ты гоняешься? За мёртвым псом, за одною блохою?

Как же издёвка попала в цель! Саул скрежетал зубами и дрожал в бессильной ярости, но, как говорится, «видит око, да зуб неймёт».

В другой раз Давид позволил себе ещё большую дерзость. Вместе со своим оруженосцем он пробрался ночью в военный лагерь царя, бесшумно вошёл в шатёр, где спали Саул и его самый старший военачальник (и двоюродный брат) Авенир. Оруженосец Давида замахнулся копьём в попытке тайно убить царя. Давид схватил его за руку и предотвратил тайное убийство, которое считал подлым. Ещё большим грехом было убийство помазанника божьего. А копьё Авенира и кружку с водой царя Саула Давид из шатра прихватил. С указанными трофеями он вернулся к своим, которые ожидали его с беспокойством и нетерпением. Когда рассвело, Давид снова взобрался на вершину неприступной скалы и начал издеваться над Авениром, проспавшим своё копьё и царскую кружку. Вдоволь насмеявшись, Давид предложил прислать кого-нибудь за царской кружкой и копьём полководца.

С военной точки зрения Давид был, несомненно, прав, высмеивая охранника, из-за которого царь вполне мог и погибнуть. Смущённый происшествием и тронутый великодушием Давида, царь Саул решил прекратить преследование Давида и отдал приказ своему отряду возвращаться в крепость Гиву.

Несмотря на прекратившееся преследование, Давид был обязан постоянно решать одну немаловажную задачу. Преданных людей своего отряда следовало регулярно поить и кормить и, конечно, лучше досыта и вкусно. Для этого овец, волов и коз отряд Давида крал у филистимлян. С израильтян Давид брал лишь постоянную плату натурой за защиту их жилищ и стад от нападений филистимлян и бедуинов.

АНАТОЛИЙ СУСЛОВ

Странный сон

Крысы в своём подполье словно осатанели. Они хрустели досками с такой радостью, будто пожирали манну небесную, и даже взвизгивали от удовольствия.

Иван лежал, закрыв глаза, мучаясь от бессонницы. Он наполнился ею уже до краёв, этой студёной искрящейся субстанцией, он переполнился ею уже до отказа, так что было мучительно больно, особенно в сердце и в висках. Ему казалось, что нет более тягостного и щемящего состояния, чем эта переполняющая пустота. И только хруст крысиных зубов извне ему ещё напоминал, что можно совершить какое-нибудь активное действие, например, встать. Но не было ни сил, ни желания даже пошевелиться. Так он и лежал – прозрачная, призрачная граница двух миров: своей бездонной бессонницы и Вселенной – бессонной бездны. Ему было безразлично, открыты ли его глаза, закрыты ли, потому что и тут и там была лишь бесконечная пустота и ночь. И хоть бы пошевелинулась мысль, закрутившись в колечко, материализовалась бы, овеществила бы что-нибудь, пусть тот же крысиный резец, вонзающийся с хрустом в доску. Да и человек ли он, граница ли? Может быть, его просто

Суслов Анатолий Петрович. Родился в Германии в семье военно-служащих-медиков. Окончил Второй московский медицинский институт им. Н.И. Пирогова. Профессор-иммунолог, доктор медицинских наук, заведующий лабораторией в НИЦ ИЭМ им. Н.Ф. Гамалеи. Автор четырёх поэтических книг – «Отражение», «Иное», «Симфония чуда», «Азбука души».

нет и обе бездны, сомкнувшись, торжествуют наконец-то то самое единство, которое он, человек, нарушал и одновременно наивно стремился восстановить?

Ух как заскрипела дверь! Сверкнуло лезвие, раздирающее по полам чёрный ситцевый занавес. И распался он, обнажая залитую лунным светом веранду, призраки ветвей на тюлевых шторах и тишину, святую земную тишину, заполненную до краев дыханием жизни.

Иван глядел на тень входящего в комнату человека, словно он ждал её, знал и понимал. Но она вдруг сжалась в комок, прыгнула на постель и захрустела своими проклятыми резцами, повизгивая от удовольствия.

«Да что за наваждение!» – подумал Иван и встал, удивительно, странно, до чего легко встал, даже не встал, а просто повернулся в пространстве на 90 градусов, без привычного напряжения мускулов, без усилий.

Тень тоже вместе с ним соскочила с постели и юркнула в кресло. Сладострастный хруст раздался и оттуда.

«Ну и ну!» – скользнула мысль, но чувство доверия и причастности не оставляло его. Протянул руку вперёд, осторожно, как слепой. И, глядя на неё, уразумел причину необычной лёгкости: руки не было. Просто было ощущение протянутой руки, а руки не было.

Тогда он оглянулся на постель и увидел своё тело, лежавшее навзничь с заломленными за голову руками; глаза открыты и неподвижны.

Иван не испугался, а даже как бы обрадовался, увидев эту чуждую тленную оболочку извне, а не изнутри, как он к этому привык. Он протянул свою незримую руку и закрыл ею глаза. Странно и ново было это прикосновение к телу. Он как бы осознал закрывающиеся веки, стал на мгновение ими и... сомкнулся.

И опять он услышал этот хруст. Иван быстро обернулся – если это можно назвать обернулся, а не просто взглянул – к креслу. В нём сидел человек. Лунный свет ясно освещал половину его лица, руку, поднятую ко рту, и молочно-белую папировку, в которую он с аппетитом вонзал зубы. Лицо человека было настолько знакомо, что Иван даже ощутил оскомины во рту.

Человек этот доел яблоко вместе с зёрнышками, не торопясь, спокойно, потом сделал движение рукой, словно потянулся за следующим, и вдруг резко, внезапно взглянул прямо в глаза Ивану.

Ну, так и есть! Больно, до чего же больно и... сладко! Сладостная истома бешено колотит сердце! Голова кружится до тошноты, до рвоты, и опять же, так сладко и упорно, что хочется смеяться и рыдать одновременно, а лучше стонать от наслаждения: «о-о-о!» вместе с толчками сердца или кричать, кусая руки, истекая слюной и кровью...

Так взбесившаяся лошадь несётся, не разбирая дороги, круша всё на пути, наполнившись безграничной жуткой силой, разинув пасть, выпучив глаза, со вздыбленной гривой.

Но самое странное и даже страшное заключалось в том, что не наступало привычной истомы кризиса, а затем похмелья, чёрного, горького в своей безысходности, нет, эта безудержная сила, эта откровенная страсть росла и казалась Ивану самым ужасным, самым бесчеловечным преступлением, которое только можно вообразить, преступлением границ любой морали, любого кодекса, любого закона или, вернее сказать, уничтожением самих границ!

Так глядит Дьявол, искушая нас на бунт.

Так глядит Бог, утверждая нас на бой против Дьявола.

Так видит Бога открывший Его взгляд.

Потом взгляд вдруг стал мягче, он окрасился в нежно-голубые тона, в нём появилась улыбка, потом лёгкая грусть: «Не бойся, Иван, ты всё ещё человек».

Это не было сказано, но Иван понял это так, как всегда понимал вдруг пришедшие в голову мысли.

И точно: он снова лежал на постели, закинув руки за голову, широко раскрыв глаза, глядел вверх. И, как бы подтверждая его изначальную человеческую слабость, закружились в голове роем мысли, полные противоречий и эмоций. Но эта – опять, словно извне: «Да, уж если бы ты не был человеком, то, наверное, не боялся. Страх – это жадность. Более человеческого подходящего и трудно придумать. Он всё копит, копит себе на чёрный день. Если бы ему нечего было терять, не боялся бы смерти».

Иван, не поворачивая головы, посмотрел на кресло. Он понял, что сидит в кресле и, одновременно поворачивая глаза, смотрит на постель. Смертельная слабость залила всё тело. Бессильно обмякнув, он ощутил под головой одновременно подушку и спинку кресла.

«Каждый человек – филателист. Он собирает марки, чтобы в один прекрасный чёрный день бросить их в печку. Иван, страх – это алчность. Ты не знал, что ты – скряга?»

Иван глядел вверх и судорожно пытался освободиться от ощущения, что видит светильник с двух точек зрения, видит одновременно освещенную луной ребристую поверхность, а с теневой стороны – словно ореол огибающего света.

«Взгляни на себя. Что приходит к тебе, то и уходит. И чем больше придёт, тем больше уйдёт. Живи так, словно ты уже умер, тогда тебе нечего будет терять».

Иван, однако, уже освоился с необычным для себя положением. Он осматривал комнату перед собой всё так же, не поворачивая головы. Вещи потеряли свой обычный облик. Они стали призрачны, как собственный нос, а при передвижении взгляда иногда исчезали вовсе.

«Ты и себя боишься, скряга, потому что боишься терять подарки данайцев!»

Лучше всего было глядеть на потолок. Он был, словно бинт для больных глаз, успокаивал своей плотной непроницаемостью. В нём было что-то родное.

Больше всего Иван боялся вновь взглянуть на самого себя. Он боялся исчезнуть, как исчезали те предметы, на которые он глядел *одновременно* с разных точек зрения.

«Так что же делать, что же делать?.. – засуетилась вдруг, словно очнувшись, его мысль. А потом вдруг, как волной, хватануло: – Так не должно быть, это ложь, это сон, проснись, очнись, ты же человек, очнись, очнись, опомнись, ощупай себя руками, ты ведь не умер, если бы умер, то не мыслил бы, это просто бред, это просто сон, очнись».

Но, словно свинцовым грузом, не уничтожающим, а сладостно тягостным, как дремота, охватило и руки и ноги, и не было ни сил ни воли пошевелиться. А когда он успокоился, то опять тихо и внезапно пришла мысль: «Посмотри себе в глаза».

И так тоскливо сделалось. Страшно и одиноко.

«Посмотри себе в глаза».

Иван стал медленно поворачивать глаза... Предметы исчезали, вновь появлялись где-то там, *за* взглядом, как у лётчика, который, не поворачивая головы, *видит* сбоку чужой самолёт. И вдруг ужас новой гигантской волной подхватил и понёс взгляд обратно к потолку, к чёрной тёплой неподвижности, к реальности, к веществу.

«Нет, нет, я боюсь, я боюсь! Так нельзя! Я хочу жить! Жить хочу! Нет, нет! Я хочу любить вещи, осязать их, радоваться их гладкости

или шероховатости, хочу их видеть, трогать, хочу расплетать тонкие запахи клея, типографской краски, свежего лака, пить вино, глотая его огромными глотками, наполнив рот оттенками его вкуса, я хочу бегать, падать, расшибая себе лоб, локти или колени – я хочу жить! Я хочу видеть *свои* руки, хочу сам свои руки направлять к *своей* цели! Я люблю эти руки, я к ним привык!..»

И ещё долго что-то кипело, клубилось белыми пузырями, рассыпалось по серому влажному песку, но потом песок опять стал тугим, сырым, холодным, напряжённо ожидая следующей капли, которая пронизет его насквозь: «Иллюзия – твоя точка зрения. В ней нет ничего действительного, кроме того, что она *твоя* точка зрения. Ведь действительность – она вне всяких точек зрения. *Посмотри себе в глаза*».

Иван поглядел и увидел стену и лунную дорожку, которая сквозь окно стелилась к ней. Он потянулся взглядом вдоль дорожки и вышел на двор. Тихо, мирно спал маленький южнорусский городок. Падали яблоки в саду, где-то вдалеке выла собака. Стояла августовская ночь с огромным звёздами, которые тоже, как перезревшие яблоки, срываются и падают вниз.

Так же легко Иван поднялся этим своим странным взглядом над городом и увидел залитый призрачным рассветом восток. И чем дальше от родного дома удалялся этот взгляд, тем ярче, тем чётче и понятнее становилось незримое.

3

взрослые —
детям

АНДРЕЙ КАЛЕЦКИЙ

Слон и комар

Над слоном пищал комар,
А пищать имел он дар.

– Ты хотя и толстокожий,
Но тебя вмиг уничтожу.

В толстой коже мало толку,
Хоботок мой, что иголка.

Да могу на помощь, кстати,
Я позвать сестёр и братьев.

Как навалимся, держись!
Мы размеренную жизнь

Превратим тогда в кошмар, –
Угрожал слону комар.

Калецкий Андрей Львович окончил Московский автодорожный институт, работал инженерно-техническим работником (ИТР). Состоит в СП России. Пишет в разных поэтических жанрах: любовная и пейзажная лирика, пародия и эпиграммы, короткий рассказ, очерк. Вышли в свет три поэтических сборника: «Душа стихами мне шептала...», «Родная речь», «Из сказки в быль»; его статьи опубликованы в «Независимой газете» и в «Московском литераторе».

Победитель поэтических конкурсов.

От рождения был слон
Добродушен и силён,

И поэтому не слушал,
Что пищал задира в уши.

Лесной доктор

Жук наносит лесу вред,
Он корой питается.
Жук зловредный – короед,
Так он называется.

Только дятел начеку,
Нет ему здесь равных,
Не даёт вредить жуку,
Лечит лес исправно.

Ведь на завтрак, на обед,
Да ещё на ужин
Вредоносный короед
Дятлу пищей служит.

Воображала

Розовая шапочка,
Красное пальто.
Говорят мне: «Лапочка».
Я в ответ: «А то!»

Бабушка сказала
Мне полушутя:
«Ты – воображала,
Милое дитя».

Мама улыбается,
Только наряжусь:
«Дочка, ты – красавица!
Я тобой горжусь!»

А вот папа с дедушкой
Строго говорят:
«Украшает девушку
Ум, а не наряд».

Труженица

Летний дождик, тише-тише,
Не стучи сейчас по крыше.
Закрывает Таська глазки
После бабушкиной сказки.

Крошка-Таська притомилась,
Целый день она трудилась:
Нарвала травы крольчатам,
Жёлтым маленьким цыплятам

Корм насыпала в кормушки,
В шкаф сложила все игрушки,
После спелую малинку
Собрала в свою корзинку,

Полила морковь на грядке.
И теперь в своей кровати
После бабушкиной сказки
Закрывает крошка глазки.

А как слипнутся ресницы,
Так малышке сон приснится.
Летний дождик, тише-тише,
Не стучи сейчас по крыше,

Манная каша

Нас с сестрёнкой кашей манной
Накормить хотела мама.

Каша мамина вкусна,
С маслом сливочным она.

Неохота только нам
Кушать кашу по утрам.

Мы решили вкусной кашей
Угостить всех кукол наших.

А как мама отлучилась,
Неприятность приключилась.

Взялись мы кормить их с ложки
Терпеливо, понемножку,

Но, их как ни заставляли,
Куклы завтракать не стали.

И теперь все куклы наши
Вместе с нами в манной каше.

Таська и Васька

Почему кот рыжий Васька
Поцарапал кроху-Таську?

Рыжик-Васька кот незлой,
Ходит гордый, хвост трубой,

Но с детьми со всеми ладит
И мурлычет, если гладят.

Почему тогда кот Васька
Вдруг обидел нашу Таську?

А ответ довольно прост —
Не таскай кота за хвост.

Бегемотик

Неуклюжий бегемотик
Вдруг схватился за животик.

– Мой живот такой надутый
И болит он почему-то.

– Много ты сегодня съел,
Вот живот и заболел,

Виноват ты в этом сам, —
Проворчал гиппопотам.

И ещё добавил строго:
«Нужно кушать понемногу».

ИРИНА МАТКОВСКАЯ

Катя, Хрюнчик и Крикунчик

Поросёнок Хрюнчик терпеть не мог огромного пса по кличке Полкан, потому что он всё время храпел на весь двор в своей конуре и вылезал из неё только поесть. А приносили ему огромные миски и довольно часто. Так как поросёнок рос, он постоянно хотел кушать, и ему казалось, что еды ему явно недодают. Зато Хрюнчик очень полюбил внучку хозяйки Катю, девочку лет пяти, которую мама привезла этим летом в деревню к бабушке. Катя его и подкармливала, и играла с ним. Она даже научила его прыгать через обруч, что ему очень понравилось. Поэтому, когда девочка выходила на крыльцо, Хрюнчик сразу бросался к ней (благо что ему

Матковская Ирина Георгиевна окончила МГУ им. М.В. Ломоносова, экономический факультет. Много лет работала в ФГБУ «Российская государственная библиотека». В 2003 г. награждена почётной грамотой Министерства культуры РФ. Параллельно с основным видом деятельности занималась литературным творчеством. Пишет сказки, рассказы, стихи для детей и взрослых. С 2004 г. — член Московской городской организации Союза писателей России. В 2020 г. вышла книга «Когда поют гладиолусы» (изд-во «У Никитских ворот»), «Чита, Марtimoшка и другие» (изд-во «У Никитских ворот», 2021 г.). Лауреат конкурса «Преодоление» (МГО СП России) в номинации «Гранатовый браслет» им. А.И. Куприна (2020 г.) и в номинации «Квартет» им. И.А. Крылова (2021 г.). Лауреат конкурса «Волшебное перо» в номинации им. Г.Х. Андерсена (МГО СП России, 2021 г.).

разрешали бегать по всему двору) и визжал от восторга. Третьим в их «трио» был цыплёнок Крикунчик. Когда Катя брала его и ставила на свою маленькую ладошку, он почему-то сильно возмущался и начинал даже не кричать, а орать, да так громко, что ему отвечали все деревенские петухи, думая, видно, что обижают их сородича. Подняв таким образом всю деревню, цыплёнок успокаивался и мирно засыпал.

Катя была девочка боевая. Она не боялась Полкана и даже гладила его по голове, когда он вылезал из конуры. Хрюнчик очень переживал по этому поводу и всегда крутился рядом, возмущённо похрюкивая и пытаясь привлечь Катину внимание. Но когда Катя называла поросёнка своим любимчиком, он просто таял на глазах и тыкался пяточком в её ладошку.

Как-то девочка заявила, что хочет стать свиначкой, когда вырастет.

– Тоже дело, – веско заметила бабушка, – не то что твоя мать: выучилась на парикмахера и крутит теперь в городе всем причёски.

Почему это плохо – «крутить причёски», Катя не знала. Она тоже «крутила причёски» своим двум старым куклам. В городе она ходила в детский сад. Но иногда мама брала её на работу, и она воочию наблюдала, как мама стрижёт, красит и укладывает разным тётям волосы. А главное, ей нравилось, что тётки ухаживали довольные, и многие даже улыбались.

Перед поездкой в деревню мама, чтобы как-то порадовать дочурку, купила ей летнее платьице с ананасами на зелёном фоне. Девочке платье так понравилось, что она не хотела его снимать в деревне, и бабушка не успевала его стирать.

К слову сказать, ананасы Катя обожала. Но давали ей их нечасто. Она рассказала поросёнку, какая это вкуснятина, и пообещала, что когда они с Хрюнчиком вырастут, то будут кушать только ананасы, уж Катя об этом позаботится. Поросёнок в знак одобрения прихватил зубами ананас на Катином платье и выпустил его лишь тогда, когда бабушка позвала их ужинать. Хрюнчику во время ужина тоже полагалась мисочка чего-нибудь вкусенького прямо на крыльце, на котором он себя чувствовал, как на сцене, перед всякими там курами и бестолковым Полканом. Чтобы показать свою исключительность (а других свинок у бабушки, кстати, и не было), он особенно громко

чавкал, а покончив с едой, важно прохаживался по крыльцу и ожидал, когда откроется дверь и его пригласят в дом.

Дело в том, что они с Крикунчиком были, что называется, вхожи в хозяйские покои. По вечерам они все вместе смотрели телевизор. Девочка, конечно, смотрела свои мультфильмы и в другое время. Но по вечерам, как говорила бабушка, собиралась вся семья. Действительно, поросёнок и цыплёнок чувствовали себя полноправными членами семьи. Причём Крикунчик под телевизор обычно дремал, как ни странно. После передачи «Спокойной ночи, малыши» Катя отправлялась в смежную комнатку спать, предварительно отнеся Крикунчика в курятник, а Хрюнчика – в маленький загончик во дворе, а бабушка на самой маленькой громкости смотрела фильмы, в том числе и детективы. Она нередко ворчала и переключала каналы, потому что любила фильмы «в рамках приличия» и «без лишней крови». Внучка закрывала дверь в комнату неплотно и иногда тоже смотрела фильмы, правда, не до конца, так как кончались они поздно. Бабушка тихо, как ей казалось, комментировала действия героев, особенно во время детективов. Чаще всего она произносила с чувством: «Ах ты ж, морда бандитская!» – или что-нибудь в этом роде.

Однажды их спокойная жизнь была нарушена. Утром, после завтрака, бабушка, как обычно, работала за домом в огороде. Овощ, по её словам, шёл хорошо, но требовал постоянной заботы. В тот злосчастный день она полола грядки, а девочка ей помогала. Но тут прибежал Хрюнчик, таща за собой в зубах обруч, и они с позволения бабули рванули в садик перед домом, чтобы не потоптать огород.

Хрюнчик прыгал через обруч, а Катя повторяла: «Оп-ля! Оп-ля!», когда вдруг услышала подозрительный шорох, а затем увидела перелезающего через забор со стороны дороги человека в чёрной одежде и в маске. В руках он держал что-то вроде пистолета.

– Лечь на землю! Это ограбление! – проговорил он негромко, но приказным тоном, сделав несколько шагов вперёд.

Здесь произошло самое удивительное. Вместо того чтобы испугаться и броситься на землю, Катя вдруг громко крикнула: «Ах ты ж, морда бандитская!» Из конуры показался Полкан. Оценив обстановку, он вылез и медленно двинулся на человека в чёрном, грозно зарычал и, наверно, впервые за последние годы несколько

раз пролаял, да таким страшным басом, что грабитель попятился. Вдохновлённый Полканом, завизжал Хрюнчик. Бабушка уже неслась из огорода, а вор полез обратно на забор, но слегка на нём замешкался: видно, был неопытный. Он явно не ожидал такого отпора. В довершение всего он свалился внутрь, в садик.

Бабушка, загоразивая собой внучку, подскочила к нему и смело сдёрнула с него маску. Грабителем оказался известный в деревне хулиган Ромка четырнадцати лет от роду, который любил поугагать малышня и который уже не знал, чем заняться от скуки на каникулах. Бабушку он никак не думал встретить, так как выбрал время, когда она была в дальнем углу своего большого огорода и общалась через забор с соседкой. И конечно, он не ожидал такой реакции от Катюшки и от Полкана, голос которого все давно забыли. Игрушечный пистолет уже валялся в стороне.

Неподалёку росла крапива, которую бабушка сохраняла для супа и, по-видимому, для особых случаев, вроде этого. Она была в перчатках, которые всегда надевала для работы в огороде. Не успел хулиган опомниться, как она замахнулась на него крапивой, но здесь он мгновенно сориентировался и вылетел на дорогу уже через калитку, проворно открыв её на ходу.

– Я тебе дам жару! – погрозила ему вслед бабушка.

Когда все пришли в себя, бабушка похвалила и погладила Полкана и Хрюнчика, а внучку отчитала за то, что она уж очень смело и рискованно себя повела.

– Но, бабуля, – удивилась Катюша, – ведь как ты только произнесёшь, когда смотришь кино, «Ах ты ж, морда бандитская!», то сразу бандита этого ловят!

Бабушка так и ахнула и долго ещё разъясняла девочке, как вести себя в подобных случаях и что право первого голоса надо было отдать Полкану.

– Уж он-то знает, что делать, пёс учёный, – многозначительно заметила она и спросила внучку:

– Тебе всё ясно?

– Всё ясно, – бодро ответила Катя.

И после окончания школы пошла учиться... на полицейского!

А Хрюнчик вечером того знаменательного дня притащил из своей заветной миски лучший кусок Полкану: так он его зауважал. И они стали с тех пор друзьями.

Крикунчик же вырос в самого голосистого петуха в деревне и следующим летом уже задавал тон всей округе.

Бабушка продолжала заниматься хозяйством и особенно огородом. Она любила повторять известную поговорку, немного добавив от себя: «Всякому овощу – своё время и своё место, и каждому хорошо на своей грядке».

4

КНИЖНАЯ
ПОЛКА

рецензии

Мурзин Василий Сергеевич

Поэт. Родился 3 октября 1982 года в Москве. Постоянный автор «Литературной газеты». Лонг-листёр Всероссийской литературной премии «Гипертекст» имени Александра Чаковского в номинации «Поэзия» (2023). Победитель конкурсов Московской городской организации Союза писателей России (МГО СПР) «Поэт XXI века» (премия им. Б.Л. Пастернака – 2022 за книгу «Остров»), альманаха «Литературная Республика 2022», «Стул № 13» (премия им. И. Ильфа и Е. Петрова в номинации «Поэзия»). Удостоен награды МГО СПР ордена «За вклад в литературу XXI века». Автор книг «Обнуление», «Остров». Участник коллективных сборников постоянных авторов «Литературной газеты» «15», «Приглашение в мастерскую», «Тайна вдохновения», «Вероятность счастья», «Точка отсчёта. Роман Сенчин представляет», многих коллективных сборников МГО СПР, в том числе Энциклопедии «Московская городская организация Союза писателей России... XXI век... Начало...». Публиковался в газетах «Литературная Россия», «Независимая газета», «Литературные известия», в журналах «Москва», «Вторник», «Москва литературная», «Свет столицы». Номинант премии VII Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков.

* * *

Стихи Василия Мурзина я поначалу принял за стихи его однофамильца и моего давнего знакомого Дмитрия и удивился: как по-другому, по-новому Дмитрий стал писать! Лишь на третьем-четвертом понял свою ошибку, но не расстроился. Наоборот – открытие для себя ещё одного поэта всегда радость.

Стоило на пять минут окунуться в интернет, чтобы понять: Василий Мурзин поэт небезызвестный. У него есть публикации в цен-

тральных изданиях, в том числе в журнале «Москва», в «Литературной газете», есть премии, а главное – есть отклики на его стихи. Теперь вот Василий Мурзин стал известен и мне, и я наверняка буду искать его новые подборки в печати.

А представленная здесь подборка разнообразна, объёмиста. По сути, она объединяет два небольших сборника стихов – «Жизнь подо льдом трещит» и «Времена года». Этих сборников наверняка нет в виде отдельных книжек, но они уже существуют – произведения выстроены, видятся сквозные сюжеты...

В стихотворениях Мурзина много природы, но их нельзя назвать пейзажными, это не абсолютная лирика – скорее, лирика социальная, а может быть, и экзистенциальная. Вот, к примеру, как начинается «Ноябрь»:

*Свалено лето в ров.
Какой-никакой, а улов.
Не из слов. Из пожелтой листвы,
Когда все слова мертвы!*

*Припорошена дорога,
Припудрена, словно лицо
Немолодой
Помятой дамы.
А вечер между нив
Фланирует с ленцой,
И восстают
Окошки дач
Из прошлого,
Как мертвецы
Из ямы.*

А вообще-то, о стихах не стоит говорить много. Лучше их читать.

*Лет сорок пять
Тому назад
С землёй
Сровняли пять
Дворов деревни нашей:*

*Деревню город слопал.
И нет завалинок, печей,
Заборов, валенок, ничейные
Тополь и берёза.
И время здесь теперь сверяют
Не по петухам. Морозы
Путают следы людей,
Чтобы тополь и берёза
Росли наперекор судьбе,
Наперекор самим себе,
Как будто из стихов
Выходит проза.*

Сильно, не правда ли?

Роман Сенчин, писатель

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия

Маргарита Азарова	7
Инна Демина	9
Андрей Иванов.....	12
Вилен Иванов.....	16
Алексей Монастырьюк	19
Роберт Нижегородцев	21

Проза

Алла Бакшанская	25
Алиса Бескровная.....	28
Сергей Бусахин.....	45
Инна Дёмина	55
Геннадий Кузьминский	62
Василий Поляков.....	86
Анатолий Суслов	98

Взрослые – детям

Андрей Калецкий	105
Ирина Матковская	110

Книжная полка

Василий Мурзин	117
----------------------	-----